валентин
тальчников
керосин

Валентин Тальчников

Керосин

«Автор»
2026

Тальчников В.

Керосин / В. Тальчников — «Автор», 2026

Банк — это место, где у каждого обязательства должна быть сторона, у каждой операции — основание, а у каждой ошибки — ответственный. По крайней мере, так принято считать.Банк «Лекорню» работает безупречно. Его отчётность сходится, внутренние регламенты соблюдаются, активы учтены, а инженерные системы подтверждают штатное состояние здания. Главный бухгалтер Валери привык доверять цифрам: у любой неточности есть причина, у любого расхождения — объяснение, у любого обязательства — тот, кто вправе потребовать его исполнения.Но однажды в документах банка обнаруживается то, чего не должно существовать: обязательства без установленной стороны, помещения, которых нет на планах, и регламент, действующий с самого основания «Лекорню». В числе подписавших его значится внешний участник — без имени, должности и объяснения своих полномочий.Пока Валери пытается восстановить происхождение неизвестного обязательства, банк начинает проходить испытание, которого никто не назначал.

© Тальчников В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть I 6
Часть II 20
Часть III 29
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Валентин Тальчников
Керосин

испытание — процедура создания или поддержания нагрузки;

—

наблюдение — регистрация состояния здания и окружающих систем;

—

оценка — независимое заключение о том, что именно было установлено.

—

Часть I

Коридор шестого этажа в главном здании банка «Лекорню» был спроектирован так, чтобы гасить не только звук шагов, но и человеческое самомнение. Высокие панели из мореного ореха, пропитанные воском до состояния темного зеркала, поднимались на четыре метра вверх, где смыкались с тяжелым кессонным потолком. Здесь пахло старой бумагой, сухой пылью архивных папок, дорогим табаком из личных хьюмидоров и тем специфическим, холодным запахом озона, который всегда стоит вокруг скрытых контуров правительственной связи. Пьер стоял у левой пилястры перед двустворчатыми дверями малого зала заседаний.

Его поза казалась расслабленной только тому, кто никогда не носил оружие под сукном индивидуального кроя. Ступни расставлены ровно на ширину плеч, вес чуть смещен на переднюю часть стопы, руки свободно сцеплены в замок ниже пряжки ремня — так, чтобы большой палец правой ладони находился в четырех сантиметрах от тангенты скрытого передатчика на манжете, а локоть не перекрывал линию быстрого доступа к кобуре под левым лацканом.

За последние сорок минут мимо него прошли одиннадцать человек. Пьер знал вес каждого. Не в килограммах — в том, как прогибается под их каблуками паркетная доска, уложенная поверх бетонного перекрытия, и в том, с какой частотой бьется жилка на их шеях, когда они проходят рамку пассивного металлодетектора, замаскированную в дверной коробке. Директора шли тяжело, с ленивой, сытой важностью людей, привыкших к тому, что цифры в отчётах подчиняются их подписям, как дворовые собаки. Они переговаривались вполголоса, поправляли запонки, не глядя кивали охране — для них Пьер был частью интерьера, такой же неподвижной и безличной, как бронзовый бюст основателя дома в нише у лифтов.

Последним шел Валери. Главный бухгалтер «Лекорню» двигался иначе. Он не нес свое тело — он перемещал его с расчётливой, почти механической экономией усилий. Невысокий, сухощавый, в темно-сером костюме из жесткой английской шерсти, которая не мялась даже после четырнадцати часов за терминалом закрытого контура. Под мышкой он держал только одну папку из тесненой кожи цвета бычьей крови. Никаких ноутбуков, никаких ассистентов, семенящих следом с кипами распечаток. Все, чем можно было раздавить или спасти каждого из сидящих за темным столом за этими дверями, уже находилось либо внутри этой папки на тридцати двух страницах плотной бумаги, либо в его голове.

У самого порога Валери замедлил шаг. Не остановился — это привлекло бы внимание камеры верхнего обзора в углу карниза, — а просто чуть дольше обычного перекладывал папку из левой руки в правую, чтобы взяться за массивную латунную ручку. Его взгляд скользнул по лицу Пьера.

В этом взгляде не было ни приветствия, ни заговорщицкого тепла. За тонкими стеклами очков без оправы блеснул холодный, выверенный до миллиметра расчёт. Два человека, разделенные социальной пропастью — человек цифр с правом первой подписи на балансовых ведомостях и старший смены внутреннего периметра со свинцовым наушником в ухе, — смотрели друг на друга меньше секунды. Но в этой секунде было больше жестокой, обнаженной близости, чем в десятках лет чужих браков. Они оба знали устройство этой машины. Оба знали, что великолепный фасад «Лекорню» держится не на уставах и не на благородстве старых фамилий в совете директоров, а на том, кто именно сводит дебет с кредитом в три часа ночи и кто именно держит палец на рубильнике пропускной системы, когда в коридорах гаснет основной свет.

— Вентиляция в западном крыле сегодня шумит сильнее обычного, месье Пьер, — негромко произнес Валери, не поворачивая головы, глядя прямо в полированную медь дверной ручки. Голос у него был сухой, ровный, лишенный интонаций, как шелест счетной машинки.

— Фильтры тонкой очистки забиты, месье Валери, — так же ровно ответил Пьер, глядя сквозь него в противоположную стену. — Инженерная служба уже внизу. До конца вашего

доклада никто не поднимется на этаж. Лифты переведены на ручное подтверждение с моего пульта.

Уголок губ Валери едва заметно дрогнул — не в улыбке, а в коротком нервном спазме человека, который только что услышал щелчок взведенного курка и остался доволен звуком.

— Благодарю, — сказал он и нажал на ручку.

Тяжелая дверь с двойным уплотнителем бесшумно подалась вперед и через три секунды закрылась, отрезав зал заседаний от остального мира глухим, вакуумным хлопком. Внутри зала воздух был густым и неподвижным. Несмотря на работающие диффузоры, здесь всегда стояла легкая духота — двенадцать стареющих мужчин в тяжелом сукне выдыхали слишком много углекислого газа и скрытого страха.

Валери прошел к своему месту у правого крыла овального стола — чуть в стороне от кресла председателя, там, где столешница из цельного куска красного дерева имела едва заметную выемку для локтей, протертую его предшественниками за последние восемьдесят лет. Он положил бордовую папку перед собой, аккуратно выровнял ее нижний срез по кромке кожаного бювара, снял очки, протер их батистовым платком и снова надел. Его пальцы не дрожали. Но под манжетой левой рубашки, там, где ремешок плоских часов сдавливал запястье, кожа еще хранила утренний холод.

Сегодня в семь утра, за два часа до открытия клиринговой палаты, его жена сидела напротив него в маленькой столовой их дома на окраине старого квартала. На столе между кофейником из потемневшего серебра и нетронутыми тостами лежал бархатный планшет — темно-синий, почти черный, с двенадцатью пустыми гнездами под кольца и одним — центральным — в котором покоился неоправленный изумруд старой огранки. Камень принадлежал ювелирному дому «Морван и сыновья». Вернее, принадлежал еще вчера вечером.

Жена не смотрела на Валери. Она пила черный кофе маленькими глотками, а свободной рукой медленно, почти ласково проводила подушечкой указательного пальца по пустым бархатным ячейкам планшета, словно проверяя глубину вырытых могил. В ней не было суеты хищника, дорвавшегося до падали; в ней жила тихая, неумолимая грация плюща, который годами врастает в трещины каменной кладки, пока однажды утром вся стена не рушится внутрь без единого звука.

— У старика Морвана замечательные мастера по закрепке, — сказала она тогда, не поднимая глаз от чашки. — Были. Жаль, что он так и не научился читать договоры по возобновляемым металлическим линиям. Его старший сын вчера вечером пытался дозвониться до твоего департамента оценки рисков. Просил отсрочку по маржинальному обеспечению хотя бы на семьдесят два часа. Говорил, что партия сырья задержалась на таможне

Валери тогда промолчал. Он смотрел на ее тонкую белую шею, на то, как под кожей у ключицы ровно и спокойно бьется пульс, и чувствовал внутри знакомую, тягучую, почти тошнотворную пустоту. Он не хотел этого делать. Год назад, когда она забрала первую угловую лавку на улице Сен-Клер через цепочку подставных факторинговых обществ, он клялся себе, что это случайность — просто совпадение рыночной конъюнктуры и его собственной служебной педантичности. Банк «Лекорню» десятилетиями кредитовал ювелиров под залог нераспределенного металла и складских остатков. Это была скучная, пыльная статья баланса.

Но потом она положила на край его письменного стола второй каталог. Потом третий. Она никогда не просила его прямо. В их доме вообще не звучало слово «помоги» — оно было слишком вульгарным, слишком слабым для той ледяной породы, из которой она была высечена. Она просто называла имя. Упоминала за ужином, что витрины салона «Лемер» слишком плохо освещены для бриллиантов чистой воды, или вскользь замечала, что сеть магазинов в южных провинциях закупает аффинированное золото через слишком длинное плечо посредников.

И этого хватало.

Дальше все делал он сам. Ночью, оставаясь в пустом крыле бухгалтерии, когда уборщики уже уходили, а в коридоре дежурил только Пьер, Валери открывал внутренние таблицы переоценки залоговых коэффициентов. Ему не нужно было красть деньги со счетов или подделывать подписи — это удел мелких клерков, которых ловят на первой же квартальной сверке. Он действовал тоньше. Он менял формулу расчёта дисконта по обеспечению для конкретной группы заемщиков третьего эшелона. Сдвигал порог чувствительности к колебаниям котировок на полтора процента. Переводил их краткосрочные векселя из корзины со стабильным покрытием в буферный пул повышенной волатильности.

Для компьютерной системы банка это выглядело как безупречная, математически оправданная осторожность главного бухгалтера. Автоматика сама рассылала уведомления о немедленном довнесении залога. Ювелиры, у которых все оборотные средства были вложены в камни и металл на витринах, получали сорок восемь часов на то, чтобы найти наличные, которых у них не было. Возникал технический дефолт — тихий, без суда и газетной шумихи.

А чтобы не портить отчётность «Лекорню» проблемными активами и не привлекать внимание регулятора к розничному сектору, банк тут же, в рамках внутренней процедуры расчистки баланса, уступал права требования по этим закладным внешнему ликвидационному фонду с дисконтом в сорок процентов. Учредителем фонда, скрытым за тремя слоями трастовых деклараций, была его жена.

Она скупала их долги за бесценок, входила в управление как основной кредитор, меняла замки на сейфах, оставляла старых мастеров работать на себя за половину прежнего жалованья и забирала витрины, имя, клиентуру и запасы. Пятнадцать магазинов за восемнадцать месяцев. Целая паутина, оплетающая город квартал за кварталом. И каждый узел этой паутины был завязан его руками — его ровным, каллиграфическим почерком на внутренних распоряжениях о пересмотре лимитов.

Он ненавидел эту зависимость, но стоило ему представить, что он откажет, что он оставит ее один на один с рынком, — и внутри все каменело от еще более темного ужаса. Ее холодность была единственным зеркалом, в котором его собственная жестокость казалась осмысленной. Если она остановится, если эта черная воронка перестанет втягивать в себя чужие жизни, камни и золото, им придется остаться за утренним столом вдвоем в полной тишине — и тогда им не о чем будет даже молчать.

— Сегодня совет утверждает годовую консолидацию по залоговым пулам, — тихо сказала она утром, закрывая бархатный планшет с глухим щелчком. — Ведь так, дорогой?

— В одиннадцать часов, — ответил тогда Валери, глядя, как она застегивает на запястье тонкий платиновый браслет, еще в прошлом месяце лежавший в залоговом хранилище «Лекорню» под инвентарным номером неплатежеспособного должника.

— Не задерживайся вечером, — бросила она уже от двери. — Мне нужно, чтобы ты посмотрел уставные бумаги торгового дома «Шамбон». У них четыре филиала в центре и совершенно бездарная структура долгосрочной аренды. Думаю, к ноябрю они созреют.

По ту сторону дубовых дверей время текло иначе. Оно измерялось не словами докладчиков, а циклами опроса датчиков движения и короткими световыми импульсами на настенной панели контроля доступа, вмонтированной в нишу за спиной Пьера. Пьер стоял неподвижно. В его левом ухе время от времени сухо щелкал закрытый канал связи: дежурный у главного шлюза в подвале докладывал о перемещении инкассаторских тележек, пост на третьем этаже отмечал приход курьеров из расчётной палаты. Обычный рабочий шум банковского улья. Но Пьер слушал не их. Он слушал тишину за дверью зала заседаний и следил за дальним концом коридора, где за матовым стеклом перегородки находился сектор внутреннего аудита и комплаенса.

Именно оттуда должна была прийти угроза. Три дня назад, в четверг, в двадцать два часа пятнадцать минут, когда здание уже почти вымерло, Пьер делал обход четвертого этажа.

Проходя мимо кабинета старшего инспектора по контролю за обеспечением Жана-Люка Вассера, он заметил полоску света под дверью. Это само по себе не было нарушением — перед заседанием совета директоров клерки часто засиживались допоздна. Но когда Вассер вышел в коридор к автомату с водой, оставив дверь приоткрытой, Пьер, бесшумно ступая по ковровой дорожке, задержался у проема ровно на четыре секунды.

На мониторе Вассера светилась не стандартная сводка для совета, которую готовил департамент Валери. Там была выгружена первичная таблица реестра переуступки прав по металлическим счетам за последние три квартала — та самая сырая выгрузка из архивной базы, где напротив семнадцати принудительно закрытых кредитных линий ювелирных домов стоял один и тот же идентификационный код расчётного клирингового агента. Вассер копал. Старый, въедливый педант, которому до пенсии оставалось два года, случайно зацепил нитку, торчащую из безупречного шва, проложенного главным бухгалтером.

Пьер тогда не сказал Вассеру ни слова. Он просто вернулся на свой пост, открыл журнал учёта ночных посещений и зафиксировал время выхода инспектора: двадцать три сорок. А через десять минут, когда Вассер уже спускался на подземную парковку, в кабинет на шестом этаже поднялся Валери. Разговор между ними длился меньше двух минут. Они стояли в тамбуре перед грузовым лифтом, где не было микрофонов — только гул вентиляционной шахты и тусклый красный огонек аварийного табло.

— Вассер запрашивал первичные коды клиринга по третьему сектору, — сказал тогда Пьер, глядя прямо перед собой.

Валери даже не повернул головы. Он только медленно поправил очки на переносице.

— Он включил это в основное заключение для совета?

— Нет. Основной пакет ушел в печать в шесть вечера. Но он распечатал четыре страницы на локальном принтере и унес их в красной папке для дополнительных докладов. У него доступ к залу заседаний по регламенту — как у представителя ревизионной комиссии во второй части слушаний.

Валери помолчал. В полумраке тамбура его лицо казалось высеченным из старой слоновой кости — ни страха, ни суеты, только мгновенная перегруппировка цифр и вероятностей.

— Вторая часть начинается в одиннадцать сорок пять, — тихо произнес бухгалтер. — После того как совет проголосует за базовую консолидацию пулов. Если бумага попадет на стол до голосования, граф де Бомон потребует отложить утверждение и назначит внешнюю сверку залоговых складских расписок. А внешняя сверка заглянет в хранилище третьей очереди.

Пьер знал, что это значит. В хранилище третьей очереди не должно было быть посторонних глаз. Ни сейчас, ни через месяц. Они не договаривались о деталях. Между ними вообще не существовало слов вроде «сделка», «доля» или «шантаж». Три года назад, когда Валери закрыл глаза на то, как через технический шлюз инкассации, находившийся в зоне ответственности Пьера, ушли без таможенной маркировки три кофра с нераспределенными депозитами покойного клиента из Южной Америки, а Пьер, в свою очередь, лично вычистил серверные логи резервного копирования после ночной корректировки баланса, они перешли ту грань, за которой люди либо убивают друг друга, либо становятся единым механизмом.

В этом союзе не было жалости. Если бы Валери оступился так, что спасти его было бы нельзя, Пьер первым бы заблокировал двери его кабинета и вызвал жандармерию. Если бы Пьер допустил промах на периметре, Валери в ту же секунду списал бы всю недостачу на халатность начальника смены охраны, подкрепив это десятком безупречных актов. Но пока оба работали без единой фальшивой ноты, они были неуязвимы. Два хищника в костюмах прислуги, спокойно перерезающие сухожилия огромному, заплывшему жиром зверю по имени «Лекорню».

— В одиннадцать тридцать у Вассера обычно падает сахар в крови, — негромко сказал тогда Пьер, глядя на мигающий индикатор лифта. — Он всегда спускается в буфет на втором этаже за сладким чаем перед тем, как идти к директорам.

— Будьте здоровы, месье Пьер, — ответил Валери и шагнул в открывшуюся кабину.

И вот теперь стрелки на плоских настенных часах в коридоре шестого этажа показывали одиннадцать двадцать две. В зале заседаний стоял тихий шелест переворачиваемых страниц. Одиннадцать директоров одновременно перелистнули седьмой разворот меморандума. Плотная бумага с водяными знаками дома «Лекорню» издала звук, похожий на вздох сухой листвы.

— Итак, господа, — голос Валери звучал негромко, заставляя сидящих за столом невольно подаваться вперед, чтобы не упустить ни одной цифры. Это был старый прием: никогда не повышать тон перед людьми, наделенными властью; пусть они сами тянутся к твоему голосу, как к источнику воды.

— Переходя к разделу четвертому — консолидации коммерческих обязательств обеспеченного сектора и переоценке ликвидности залогового фонда, — я прошу вас обратить внимание на колонку «В» в сводной таблице на странице четырнадцать.

Во главе стола, тяжело опираясь локтями на подлокотники резного кресла, сидел председатель правления Анри де Бомон. Семидесятилетний старик с тяжелыми, нависшими веками и старческими пигментными пятнами на холеных руках. Он не любил Валери — так старая аристократия не любит хирургов и могильщиков, от чьего ремесла зависит, насколько пристойно будет выглядеть труп на похоронах. Но де Бомон любил дивиденды. А отчёты Валери последние четыре года давали акционерам «Лекорню» стабильные восемь с половиной процентов годовых даже тогда, когда соседние банки закрывали кварталы с убытками.

Чуть левее председателя, постукивая золотым пером по краю блокнота, сидел Марсель Рошфор — глава комитета по рискам. В отличие от остальных членов совета, которые смотрели только на итоговую строчку чистой прибыли, Рошфор имел неприятную привычку вчитываться в примечания мелким шрифтом.

— Минуту, месье Валери, — Рошфор поднял два пальца, останавливая докладчика. Его узкое, лисье лицо склонилось над раскрытой папкой. — Прежде чем мы перейдем к общему коэффициенту покрытия. Я смотрю на структуру списаний по группе средне-срочных товарных кредитов. Сектор обработки драгоценных металлов и розничного сбыта. Здесь указано, что за отчётный период банк провел принудительную реструктуризацию и вывод за баланс девятнадцати кредитных линий с общим номиналом в сорок два миллиона.

В зале стало тише. Несколько директоров перестали листать страницы и подняли глаза на бухгалтера. Валери не шевельнулся. Даже ритм его дыхания под жестким воротничком рубашки не изменился ни на долю секунды.

— Совершенно верно, месье Рошфор, — спокойно ответил он. — Семнадцать закрытых позиций в прошлом квартале и две — в текущем месяце. Если быть точным до франка — сорок один миллион восемьсот шестьдесят тысяч по номиналу основного долга.

— Именно, — Рошфор чуть прищурился, и в его голосе прорезалась та вкрадчивая, охотничья нотка, от которой у обычных начальников отделов начинали потеть ладони. — Но меня смущает синхронность. Девятнадцать старых торговых домов, многие из которых обслуживались в «Лекорню» по двадцать-тридцать лет без единой просрочки, внезапно, в течение полугода, допускают технические кассовые разрывы по маржинальным требованиям. И все девятнадцать вместо стандартной процедуры санации или пролонгации кредитного плеча передаются внешнему клиринговому пулу по цессии в течение сорока восьми часов после наступления триггера. Вы не находите такую кучность... статистически странной?

Де Бомон медленно повернул тяжелую голову к Валери. Нависшие веки председателя чуть приподнялись.

— О каких именно домах идет речь, Марсель? — глухо спросил старик.

— «Морван», «Лемер», сеть «Гран-Жоайе» на юге, мастерские «Бертье»... — Рошфор перечислял названия, глядя прямо в глаза главному бухгалтеру. И каждое название было тем самым камнем в бархатном планшете его жены, тем самым адресом, куда она уже отправила своих управляющих менять вывески и переписывать инвентарные книги. — Мы фактически вытолкнули целый сегмент старых клиентов в руки ликвидаторов, даже не дав им недельного люфта на пополнение счетов. Зачем банку такая спешка?

Валери выдержал паузу. Ровно три секунды — ровно столько, сколько нужно, чтобы вопрос повис в воздухе, оброс собственной тяжестью, а затем рухнул под весом ответа. Он медленно перевернул страницу своей папки, не глядя в текст — он знал каждую цифру наизусть.

— Вы рассуждаете категориями довоенного банкинга, месье Рошфор, — произнес Валери, и в его сухом голосе впервые прозвучал едва уловимый металл — холодный, снисходительный тон профессионала, объясняющего капризному ребенку законы баллистики. — Вы видите за этими названиями семейные вывески и тридцатилетнюю историю. А балансовый алгоритм банка видит только одно: необеспеченный разрыв между рыночной волатильностью сырья и падающей оборачиваемостью розничной витрины.

Валери снял очки и положил их на край папки, глядя прямо на Рошфора. Без стекол его глаза казались старше, глубже и совершенно пустыми — два темных колодца, на дне которых не отражался свет люстры.

— Позвольте напомнить совету директоров циркуляр Надзорной комиссии от четырнадцатого марта, — продолжил он, слегка повернувшись к председателю де Бомону. — Пункт седьмой, подпункт «б». Любое кредитное учреждение, удерживающее на балансе просроченные товарные обязательства сектора роскоши свыше пяти банковских дней без стопроцентного денежного покрытия, обязано увеличить резервирование капитала первого уровня на коэффициент полтора по всему портфелю аналогичных активов.

За столом кто-то глухо кашлянул. Слова «резервирование капитала первого уровня» подействовали на директоров точнее любого удара током.

— Что это означало бы для нас на практике? — Валери обвел взглядом лица сидящих за столом. Теперь он владел ими безраздельно. — Если бы я проявил ту самую «снисходительность», о которой говорит месье Рошфор, и дал этим девятнадцати ювелирам хотя бы неделю отсрочки, автоматический аудит Центрального клиринга переквалифицировал бы весь наш металлический портфель из категории «А» в категорию «В-минус». Нам пришлось бы заморозить на резервных счетах двести восемьдесят миллионов ликвидности. В результате — пересмотр годового баланса, падение расчётной маржи на три и четыре десятых пункта и... — он сделал крошечную паузу, глядя прямо на руки де Бомона, — сокращение дивидендных выплат за четвертый квартал ровно на сорок два процента.

В зале воцарилась мертвая тишина. Даже тиканье больших напольных часов в углу показалось неприлично громким. Сорок два процента дивидендов. Для людей, сидящих за этим столом, старые ювелиры с их семейными традициями и слезами сыновей в приемных перестали существовать в ту же секунду.

— При этом, — голос Валери снова стал мягким, ровным, почти убаюкивающим, как шелест банкнот в счетной машинке, — передав эти токсичные с точки зрения регулятора контракты во внешний буферный пул до истечения сорока восьми часов, мы сохранили чистоту баланса на уровне девяносто девять и восемь десятых процента. А дисконт от уступки прав требования был полностью перекрыт удержанием их гарантийных металлических депозитов, которые перешли в собственность банка без единого судебного иска. В чистом остатке «Лекорню» не потерял ни сантима, освободил резервы и показал лучшую квартальную доходность в секторе.

Он снова надел очки, аккуратно заправив дужки за уши.

— Разумеется, — добавил Валери, склонив голову с безупречной, ледяной вежливостью, — если комитет по рискам считает, что мы должны пожертвовать дивидендами акционеров ради спасения нерентабельных лавочников, которые не умеют хеджировать свои кассовые разрывы... я готов прямо сейчас внести корректировку в проект резолюции и отозвать цессию по оставшимся двум контрактам. Бланк особого мнения для регулятора у меня с собой.

Де Бомон медленно перевел тяжелый, налитый свинцом взгляд на Рошфора.

— Марсель? — негромко спросил председатель. В одном этом слове звучал приговор: еще одно слово против отчёта бухгалтера — и на следующем собрании акционеров кресло главы комитета по рискам займет кто-нибудь менее любопытный.

Рошфор опустил глаза в свою папку. Кончики его ушей заметно порозовели. Он понимал, что его только что публично высекли цифрами, причем сделали это так изящно, что он даже не может возразить, не выставив себя врагом собственных карманов. Но одна мысль все еще не давала ему покоя — упрямая, ускользающая мысль о том, *кто именно* стоит за этим внешним буферным пулом, который так удобно и вовремя проглатывает расчищенные активы.

— У меня нет возражений по финансовой стороне вопроса, господин председатель, — процедил Рошфор, сжимая золотое перо так, что побелели костяшки пальцев. — Однако я бы хотел во второй части заседания заслушать краткую справку инспектора Вассера из ревизионной группы. Насколько мне известно, он готовил дополнительную выкладку по бенефициарам клиринговых посредников третьего уровня. Просто для соблюдения формальной чистоты протокола.

— Разумеется, — кивнул де Бомон, уже теряя интерес к теме и переворачивая страницу к итоговой таблице распределения прибыли. — Заслушаем Вассера после голосования по основному блоку. Который сейчас час? Одиннадцать тридцать пять. Месье Валери, переходите к заключительной резолюции по резервам.

Валери слегка наклонил голову:

— Как вам будет угодно, господин председатель.

Его взгляд на долю секунды скользнул к массивным двустворчатым дверям. Сквозь пять сантиметров мореного дуба и звукоизоляционную прокладку не проникало ни звука. Но Валери знал, что происходит там, снаружи, с такой точностью, словно сам стоял у черной мраморной пилястры. Четырьмя минутами ранее дверь сектора внутреннего аудита в дальнем конце коридора открылась.

Жан-Люк Вассер вышел, прижимая к груди плотную красную папку с тесемками. Он выглядел усталым: серый цвет лица человека, проведшего сорок лет при искусственном освещении, мешки под глазами, слегка помятый пиджак. Но в том, как крепко его короткие пальцы сжимали корешок папки, читалось нервное, почти лихорадочное возбуждение.

Он нашел.

Еще вчера вечером, сопоставив даты изменения залоговых коэффициентов в системе Валери с датами регистрации долей в трех торговых товариществах через нотариальную контору в соседнем кантоне, Вассер увидел картину целиком. Он еще не понимал всего масштаба того, что творилось на нижних ярусах банка, но цепочку, ведущую от росчерка пера главного бухгалтера к ювелирным витринам, переходящим под контроль его жены, он выстроил безупречно. Четыре страницы таблиц, распечатанных на матовой бумаге, с подчеркнутыми желтым маркером фамилиями доверенных лиц. Бомба, способная взорвать заседание совета директоров через десять минут.

Вассер не пошел вниз, в буфет, как делал обычно. Очевидно, страх опоздать или желание лично положить папку перед Рошфором пересилили многолетнюю привычку. Он свернул прямо к малому залу заседаний, ускоряя шаг по ковровой дорожке. До дверей оставалось двадцать метров. Пятнадцать. Десять. Пьер не шевелился, пока инспектор не поравнялся с лифтовым холлом, где коридор делал небольшой изгиб, уходя из сектора обзора дальней купольной

ной камеры. Здесь, на пятачке в четыре квадратных метра между бронзовым бюстом и шахтой спецлифта, находилась техническая мертвая зона — результат старой перепланировки, о которой знали только инженеры кабельных сетей и сам Пьер.

Когда Вассер был в трех шагах, Пьер спокойно шагнул вперед, перекрывая проход к дверям зала.

— Доброе утро, месье Вассер, — негромко сказал охранник.

Инспектор вздрогнул, остановился и поднял голову, близоруко щурясь сквозь толстые линзы.

— Пропустите, Пьер. Меня ждет месье Рошфор. Вторая часть доклада.

— Зал закрыт на время голосования по первому блоку, месье Вассер. Регламент безопасности. Вход только после сигнала секретаря изнутри.

— Но мне сказали к одиннадцати сорока... — Вассер нервно посмотрел на свои часы, затем на красную папку. По его виску поползла капля пота. Он боялся не Пьера — он боялся самой атмосферы этого этажа, где воздух казался слишком тяжелым для мелких служащих. — Я подожду прямо у двери.

— У двери стоять не положено, — голос Пьера оставался абсолютно ровным, вежливым, почти участливым. Он сделал еще полшага вперед, мягко, но неодолимо оттесняя инспектора на полметра влево — туда, где массивный выступ мраморной колонны полностью скрывал их обоих от объектива камеры в начале коридора. — Вы плохо выглядите, месье Вассер. Вы сегодня завтракали?

— Что? При чем здесь... — Вассер попытался отступить, но его спина уперлась в холодную панель закрытой двери резервного лифта. Пьер стоял вплотную к нему — высокий, широкий в плечах, пахнущий сухой шерстью мундира и оружейной смазкой. Между ними оставалось не больше двадцати сантиметров. — Пустите меня, вы не имеете права...

Пьер не поднял рук. Он даже не изменил выражения лица. Только его левое колено коротко, незаметно прижалось к бедру старого инспектора, лишая того точки опоры, а правая рука легла поверх красной папки — прямо на пальцы Вассера. Сжатие было медленным. Без рывка, без удара. Просто чудовищная, неумолимая тяжесть чужих пальцев, которые начали вдавливать суставы инспектора в твердый картон обложки.

Вассер открыл рот, чтобы вскрикнуть, но из горла вырвался только тонкий, сдавленный сип. От боли в пережатых пястных костях у него потемнело в глазах, колени дрогнули, и только колено Пьера, подставленное под его вес, не дало ему сползти по гладкой двери лифта на пол. Со стороны, если бы кто-то случайно вышел из дальнего кабинета, казалось бы, что охранник просто придерживает под локоть пожилого сотрудника, которому внезапно стало дурно от духоты.

— В банке «Лекорню» очень сухой воздух, Жан-Люк, — тихо, почти ласково произнес Пьер ему прямо в ухо, не ослабляя хватки. — От него часто случаются спазмы сосудов. Особенно у людей, которые по ночам печатают документы без регистрационного номера секретариата.

Глаза Вассера за толстыми стеклами расширились от животного, парализующего ужаса. Вся его сорокалетняя вера в инструкции, параграфы, служебные записки и неприкосновенность внутреннего аудита рухнула в одну секунду, столкнувшись с простым физическим фактом: здесь, на шестом этаже, в пяти метрах от совета директоров, его могут просто сломать пополам, и никто даже не повернет головы.

— У вашей дочери в прошлом месяце была просрочка по ипотечной закладной в нашем филиале в Сен-Дени, — так же тихо продолжал Пьер, глядя в расширенные зрачки старика. — Бухгалтерия пока не передала ее досье в отдел взыскания. Исключительно по недосмотру месье Валери. Будет очень жаль, если сегодня вечером этот недосмотр исправят.

Пальцы Вассера сами собой разжались. Красная папка скользнула в руку Пьера. Одновременно с этим Пьер левой рукой вынул из бокового кармана своего кителя точно такую же красную папку — с теми же матерчатыми тесемками и тем же штампом ревизионного отдела, заготовленную еще в восемь утра, внутри которой лежали четыре листа абсолютно пустой, стандартной статистической выкладки по межбанковским корсчетам, где все коды посредников были заменены на нейтральные индексы государственных казначейских бумаг. Обмен занял меньше двух секунд.

Пьер вложил подменную папку обратно в побелевшие, негнущиеся пальцы инспектора, аккуратно поправил ему сбившийся набок галстук и отступил на шаг, возвращаясь в сектор обзора камеры.

— Вам действительно стоит выпить воды, месье Вассер, — громко и отчётливо, специально для направленного микрофона у потолка, произнес Пьер, глядя на бледного, хватающего ртом воздух старика. — Но раз вы настаиваете, я сейчас доложу секретарю, что вы готовы.

В этот самый момент над дверью зала заседаний бесшумно зажегся зеленый индикатор: голосование по первому блоку было завершено. Когда дверь открылась и Пьер жестом пригласил инспектора войти, в зале заседаний пахло сигарным дымом — де Бомон уже раскурил свою первую гавану, что по негласному обычаю «Лекорню» означало успешное закрытие основных вопросов повестки.

Валери стоял у края стола, собирая листы подписанного протокола. Одиннадцать подписей. Одиннадцать жирных росчерков золотыми перьями под документом, который окончательно хоронил старые ювелирные дома, отдавал их имущество в безраздельное владение его жены и одновременно намертво запечатывал доступ к первичным реестрам залогового хранилища еще на один финансовый год. Вошедший Вассер остановился у порога. Он мелко дрожал, прижимая к животу красную папку, и смотрел в пол.

— А, Жан-Люк, — Рошфор нетерпеливо махнул рукой, приглашая инспектора к нижнему торцу стола. — Проходите. Совет уже утвердил консолидацию, но у нас осталось пять минут на ваш мониторинг по клиринговым агентам третьего эшелона. Вы нашли какие-то аномалии в цепочке цессий, о которых хотели доложить?

Валери не смотрел на Вассера. Он медленно, лист за листом, укладывал подписанные протоколы в свою бордовую кожаную папку. Его взгляд был направлен мимо инспектора — в приоткрытую щель дверей, где в полумраке коридора застыла неподвижная фигура Пьера. Пьер стоял, сцепив руки в замок ниже пряжки ремня. На его лице не было ничего, кроме безупречной служебной пустоты. Только мизинец правой руки лежал чуть поверх безымянного — условный знак, который Валери считал за десятую долю секунды: *чисто*.

Вассер поднял голову. Его взгляд метнулся к Рошфору, затем к спокойному, бесстрастному профилю главного бухгалтера и наконец упал на собственную папку, тесемки которой он так и не решился развязать. Правая кисть инспектора, все еще нывшая от железной хватки охранника, мелко дергалась, и он спрятал ее под край столешницы.

— Нет, месье Рошфор, — глухо, чужим, надтреснутым голосом произнес Вассер. — Я... я перепроверил первичные коды утром. Никаких отклонений от регламента. Все посредники имеют рейтинг надежности первой категории. Докладывать, собственно, нечего. Я просто занес сводку для архива.

Рошфор нахмурился, несколько секунд буравя взглядом ссутулившегося старика, словно пытаясь понять, в какой именно момент из этой гончей выпустили всю кровь. Затем он раздраженно отбросил ручку на кожаный бювар и откинулся на спинку кресла.

— Прекрасно, — сухо бросил он. — В таком случае не понимаю, зачем нужно было отнимать время у совета. Можете быть свободны, Жан-Люк.

Де Бомон выпустил к потолку густое кольцо сигарного дыма и тяжело поднялся с места, опираясь руками о стол. Вслед за ним с глухим шорохом отодвигаемых кресел начали вставать остальные директора.

— Полагаю, на этом повестка исчерпана, господа, — проговорил председатель, застегивая верхнюю пуговицу пиджака. — Месье Валери, благодарю за безупречную подготовку баланса. Передайте мои комплименты вашей супруге — кажется, вчера на благотворительном вечере у префекта говорили, что она открывает новую галерею на площади Побед? Удивительная женщина. Такая деловая хватка в наше время — редкость.

Валери защелкнул замок своей папки. Звук вышел сухим и четким, как удар затвора.

— Непременно передам, господин председатель, — ответил он, слегка склонив голову. — Она будет польщена вашим вниманием.

Директора потянулись к выходу, на ходу возвращаясь к своим разговорам о загородных поместьях, лошадях и вечерних коктейлях. Они проходили мимо Валери, не задерживаясь, уверенные в том, что их банк стоит на вековом граните, что их миллионы надежно заперты внизу, под многотонными сводами, а маленький человек в сером костюме и молчаливый охранник у двери — всего лишь исправные шестеренки, смазанные их щедрым жалованьем. Валери вышел из зала последним. Коридор уже опустел — члены совета спустились в закрытый клубный ресторан на пятом этаже. У дверей остался только Пьер.

Главный бухгалтер остановился в шаге от охранника. Несколько секунд они молча слушали, как в глубине шахты за стеной глухо гудит трос опускающегося лифта, увозящего сломленного Вассера вниз, в пыльный архив, откуда тот уже никогда не посмеет высунуть нос. Из-под полы кителя Пьер без лишних движений достал изъятую красную папку с настоящими распечатками инспектора и протянул ее Валери.

Валери не стал открывать ее. Он просто прижал ее к своему бордовому портфелю, соединяя чужую улику со своим триумфом в одну аккуратную стопку. Их пальцы на мгновение соприкоснулись на шершавом картоне обложки — сухие, холодные пальцы счетовода и тяжелая, загрубевшая ладонь человека, умеющего убивать без шума. В этом коротком касании не было ни благодарности, ни сочувствия; только глухое, высоковольтное напряжение двух проводников, по которым шел ток, способный сжечь этот банк до основания.

— Сегодня в девятнадцать тридцать придет спецтранспорт из южного филиала, месье Валери, — негромко произнес Пьер, глядя прямо перед собой в полированный орех противоположной стены. — Двенадцать опечатанных контейнеров. По документам — возврат залогового металла после реструктуризации. Принимать через третий шлюз без вскрытия пломб?

Валери поправил очки. Перед его внутренним взором снова возникло утреннее лицо жены, ее тонкие пальцы на синем бархате и пустые гнезда планшета, которые к вечеру должны были заполниться камнями из сейфов дома «Морван». А еще глубже, под этим образом, шевельнулась холодная тень нижнего яруса хранилища — там, где в темноте, под гул систем осушения, рядами лежали слитки, к которым никто из совета директоров не должен был приближаться.

— Без вскрытия, Пьер, — тихо ответил Валери. — Акты сверки я подпишу заранее. Поставьте на дежурство у шлюза только своих людей. И отключите дублирующую запись на резервном сервере с девятнадцати до двадцати одного ноль-ноль. Профилактика линии.

— Будет сделано, месье Валери.

Главный бухгалтер кивнул и медленно пошел по длинному, залитому приглушенным светом коридору к своему крылу. Его шаги тонули в толстом ворсе ковровой дорожки, не оставляя ни звука, ни следа. Пьер остался стоять у пилястры. Он перевел взгляд на часы в конце галереи: стрелки сошлись на двенадцати. Рабочий день в банке «Лекорню» был в самом разгаре, и где-то далеко внизу, под шестью этажами камня, дерева и человеческой слепоты, в ледяной тишине фундамента уже начинался обратный отсчет, которого еще никто не слышал.

Кабинет главного бухгалтера на шестом этаже не имел окон, выходящих на бульвар. Два узких стрельчатых проема смотрели во внутренний световой колодец банка «Лекорню» — глубокую каменную шахту, облицованную серым глазурованным кирпичом, по которому даже в солнечный полдень текли холодные сумерки. Валери запер за собой дверь на два оборота старого сувальдного замка, положил бордовую папку на край стола, а поверх нее — красную картонную обложку, только что отнятую Пьером у инспектора Вассера.

В камине с чугунной решеткой давно не жгли дров — дымоход замуровали еще тридцать лет назад при прокладке магистральных кабель-каналов, — но глубокая ниша из черного сланца осталась. Внутри нее стоял тяжелый керамический сосуд с притертой крышкой, который уборщицам строго запрещалось трогать. Валери развязал матерчатые тесемки красной папки. Четыре листа плотной бумаги. Желтые полосы текстовыделителя, проведенные дрожащей старческой рукой поперек колонок с кодами клиринговых посредников. В правом нижнем углу последнего листа — приколотая скрепкой выписка из торгового реестра по трем трастовым компаниям, за которыми, как за матовыми ширмами, угадывался силуэт его жены.

Валери не пользовался шредером для таких бумаг. Любой механик из службы Пьера знал, что ножи перекрестной резки оставляют полосы шириной в два миллиметра, которые при достаточном упорстве и наличии сканера собираются обратно в читаемую таблицу за восемь часов работы. Он достал из ящика стола длинные каминные спички в коробке без этикетки, снял керамическую крышку сосуда и поджег первый лист с нижнего правого угла.

Бумага с высоким содержанием хлопка горела медленно, без копоти, сворачиваясь в тугие черные трубки, по краям которых бежали тонкие малиновые нити тления. Валери держал лист кончиками пальцев до тех пор, пока жар не начинал обжигать ногти, и только тогда разжимал руку, позволяя пеплу упасть на дно сосуда. Четыре листа. Четыре минуты полной неподвижности. Затем он взял стеклянный пестик и тщательно, круговыми движениями растер почерневшие хлопья в однородную серую пыль, пахнущую жженой целлюлозой и типографским тонером. Когда крышка с тихим шорохом вернулась на место, на часах было двенадцать сорок.

На столе коротко, один раз прозуммерил аппарат внутренней связи. Валери поднял трубку, не называя своего имени.

— Решение совета проведено через центральный регистр в двенадцать тридцать пять, месье Валери, — произнес в трубке бесцветный женский голос старшего оператора расчётного отдела. — Уведомления о прекращении обязательств и передаче закладных по группе «Морван» и двум сопутствующим позициям отправлены в клиринговую палату. Внешний управляющий со стороны фонда-цессионария уже подтвердил принятие реестра.

— Благодарю, мадемуазель, — ровно ответил Валери. — Заблокируйте остатки на их текущих счетах до полного списания комиссионных издержек банка.

Он положил трубку. Формально его работа была закончена. Схема, выстроенная за последние три месяца, сомкнулась с точностью швейцарского хронометра. Ему следовало остаться в кабинете, заказать на подносе пустой бульон с сухарями из нижней столовой и заняться подготовкой вечерних ведомостей для южного транспорта. Но вместо этого Валери поднялся, снял с вешалки темное демисезонное пальто, проверил, на месте ли в нагрудном кармане кожаный футляр с запасными очками, и вышел из кабинета.

Он не мог остаться здесь. Та же слепая, безжалостная сила, которая заставляла его по ночам переписывать формулы дисконтирования ради ее новых витрин, теперь тянула его туда, где прямо сейчас сдирали кожу с очередного старого дома. Ему нужно было видеть ее в этот момент. И, что гораздо страшнее, ей было нужно, чтобы он смотрел. Улица Сент-Оноре встретила его мелкой, ледяной изморосью, которая не падала сверху, а висела в воздухе серой водяной пылью, оседая на сукне пальто и стеклах очков.

Салон «Морван и сыновья» занимал первый этаж узкого четырехэтажного особняка восемнадцатого века с потемневшими каменными маскаронами над входом. Обычно в этот час за толстыми бронированными витринами мягко горели галогенные софиты, подсвечивая колье на подставках из белого шелка, а у дверей в ливрее цвета бордо стоял швейцар. Сейчас латунная решетка на окнах была опущена наполовину. Вывеска погашена. У входа, прижавшись правым колесом к мокрому бордюру, стоял длинный черный фургон без опознавательных знаков — частная служба инкассации, которую нанимал ликвидационный фонд его жены.

Валери подошел к боковой двери служебного входа, ведущего в мастерские и контору, и коротко нажал на кнопку звонка. Дверь открыл широкоплечий человек в сером плаще — один из судебных исполнителей, прикормленных нотариальной конторой фонда. Увидев маленького человека в очках с холодным, непроницаемым лицом, он молча посторонился, пропуская его внутрь.

В узком коридоре, обшитом старым, потрескавшимся дубом, пахло иначе, чем в банке. Здесь стоял густой, въевшийся за столетие дух ювелирного подземелья: смесь паяльного флюса, жженого воска, полировальной пасты из крокуса, слабого, едкого душка азотной кислоты из пробирной каморки и дорогого женского парфюма — горького ириса и холодной амбры. Запаха его жены. Валери прошел через пустую приемную, где на полу уже стояли четыре опечатанных пластиковых кофра, и остановился на пороге главного торгового зала.

В зале горел только верхний технический свет — резкий, беспощадный, обнажающий каждую пылинку на потертом ковре и выцветшие квадраты на обоях там, где еще утром висели гравюры с изображением королевских поставщиков. Старик Морван сидел в углу на низком стуле для посетителей. Ему было за семьдесят; его руки — руки потомственного огранщика с утолщенными суставами и въевшейся в кожу темной металлической пылью — лежали на коленях ладонями вверх, словно он все еще не понимал, куда делись инструменты, которые он держал с четырнадцати лет. Рядом с ним, прислонившись плечом к пустой витрине, стоял его старший сын. Лицо молодого мужчины было серым, губы плотно сжаты, а взгляд не отрывался от центра зала.

В центре, за длинным прилавком из карельской березы, стояла жена Валери. На ней был строгий темно-зеленый костюм под горло и тонкие замшевые перчатки, которые она никогда не снимала, когда брала в руки чужое имущество в первый день после отчуждения. Перед ней лежали раскрытые инвентарные гроссбухи дома «Морван», а два оценщика в белых нитриловых перчатках молча, как санитары в морге, перекладывали кольца, броши и нераспакованные пакеты с калиброванной алмазной россыпью из фирменных футляров в серые транспортировочные кассеты фонда.

Услышав шаги на пороге, она не сразу подняла голову. Сначала она поставила тонкую галочку серебряным карандашом напротив тридцать восьмой позиции в листе изъятия, перевернула страницу и только после этого посмотрела на мужа. В ее светлых, почти прозрачных глазах не мелькнуло ни удивления, ни радости. Только тихое, ледяное удовлетворение хозяйки, проверяющей, вовремя ли подали экипаж.

— Ты как раз вовремя, дорогой, — произнесла она. Ее голос в гулкой пустоте разоренного зала прозвучал чисто и негромко. — Месье Морван уверяет нас, что в малом сейфе мастерской больше нет необработанного сырья, попадающего под обеспечение третьей очереди. Но в твоей выписке по их таможенным декларациям за апрель значилась партия колумбийских кристаллов на сто восемьдесят карат.

Молодой Морван резко дернулся от витрины. Когда он узнал вошедшего, его лицо залила темная, душная краска бессильной ярости.

— Вы... — хрипло выдохнул он, делая шаг к Валери, но судебный исполнитель у двери тут же бесшумно выступил вперед, и сын ювелира замер, сжимая кулаки. — Вы же главный бухгалтер «Лекорню»! Я звонил в ваш секретариат вчера четыре раза! Мне сказали, что вы на

закрытом совещании в министерстве, что пересмотр залоговых лимитов — это автоматическая ошибка машины! А вы... вы пришли сюда вместе с ними?!

Старик Морван медленно поднял тяжелую голову и посмотрел на Валери снизу вверх.

— Мы работали с вашим отцом, месье Валери, — тихо, почти беззвучно проговорил старый ювелир. — Мой дед оправлял табакерки для старого барона де Бомона. Нам не хватило всего сорока восьми часов, чтобы закрыть разрыв по марже. Всего двух суток. Зачем вы отдали наши закладные этим людям за полцены?

Валери смотрел на старика.

Внутри него не было ни злорадства, ни раскаяния — только холодная, звенящая пустота, похожая на ту, что стоит в вымороженной шахте за окном его кабинета. Он видел слезящиеся глаза старого мастера, видел седую щетину на его впалых щеках, видел жалкую, стоптанную сбоку домашнюю туфлю, которую старик не успел сменить на ботинки, когда в двенадцать сорок пять в двери его мастерской постучали приставы. Валери понимал каждую деталь этой трагедии. Больше того — где-то на самом дне памяти еще теплился голос его собственной совести, тонкий и сухой, как осенний лист, шепчущий, что достаточно одного слова — одного звонка Рошфору о технической опечатке в реестре цессии, — чтобы остановить эту бойню и вернуть старику его витрины.

Но тут его жена медленно повернула голову и посмотрела на него. Она ничего не сказала. Просто чуть заметно отвела взгляд от лица Валери и перевела его на дальнюю дверь, ведущую в гранильную мастерскую. Ее тонкие пальцы в замшевой перчатке легли на корешок гроссбуха — легко, властно, требуя ответа. И в этот миг Валери снова почувствовал тот страшный, парализующий холод, который связывал их крепче любых клятв. Она знала, что он слаб перед ней. Она знала, что вся его безупречная банковская строгость, вся его власть над балансом «Лекорню» — это лишь подношение, которое он тащит к ее ногам, чтобы заслужить право стоять рядом с ней в этой тишине. Если он сейчас дрогнет, если пожалеет старика, она не устроит сцены. Она просто посмотрит на него так, как смотрит сейчас на сломленного Морвана — как на пустое место, как на списанный актив, — снимет перчатки и уйдет из его жизни, оставив его одного в темном доме наедине с тем, что он уже успел натворить в подвалах банка.

Он не мог позволить ей разочароваться в его жестокости. Валери медленно прошел мимо застывшего сына ювелира, подошел к прилавку и, не снимая пальто, склонился над раскрытой главной книгой мастерской. Его взгляд скользнул по колонкам прихода и расхода сырья. Обычный аудитор из ликвидационного фонда потратил бы на поиск расхождений три дня. Валери понадобилось сорок секунд. Он знал бухгалтерию ювелиров лучше, чем они сами знали строение своих камней.

— Страница восемьдесят четыре, — ровно, своим обычным канцелярским тоном произнес Валери, указывая кончиком мизинца на нижнюю строчку апрельской ведомости. — Списание ста восьмидесяти карат на технологический брак при распиловке и передача на хранение в инструментальный сейф старшего мастера. Фиктивная проводка от двенадцатого числа, сделанная задним числом после получения первого уведомления о переоценке залога.

Молодой Морван побелел так, словно его ударили ножом под ребра.

— Инструментальный сейф в гранильной не входит в опись коммерческого залога банка! — выкрикнул он, срываясь на фальцет. — Там личный инструмент мастеров и неприкосновенный семейный фонд!

— Входил бы, если бы вы не оплатили сырье со счета кредитной линии «Лекорню», — спокойно ответил Валери, даже не повернув к нему головы. Он смотрел только на жену. — По условиям пункта двенадцатого генерального договора цессии, любое имущество, приобретенное за счет заемных средств и перемещенное на внутренние балансовые счета без уведомления кредитора, переходит к правопреемнику долга в безусловном порядке. Ключ от инстру-

ментального сейфа должен находиться у старшего подмастерья или в верхнем ящике верстака номер один.

Старик Морван медленно закрыл глаза и опустил голову на грудь. Из его пальцев выпал маленький латунный ключ, который он все это время сжимал в кулаке, и с тонким, сиротливым звоном покатился по паркету к ногам оценщика. Жена Валери проследила взглядом за покатившимся ключом. Затем она подняла глаза на мужа. И впервые за весь день уголки ее губ дрогнули в настоящей, хоть и едва заметной улыбке. Она протянула руку в замшевой перчатке и кончиками пальцев легко, почти невесомо коснулась лацкана его влажного от тумана пальто, поправляя сбившуюся петлицу.

— Я знала, что мои аудиторы что-то пропустят без тебя, Валери, — тихо сказала она так, чтобы слышал только он один. — Вечером я хочу посмотреть на эти камни при свечах. Не опаздывай к ужину.

Внутри Валери что-то глухо, болезненно перевернулось — смесь отвращения к самому себе и темного, пьянящего облегчения от этого короткого прикосновения. Он коротко кивнул ей, повернулся спиной к плачущему без слез старику и вышел на улицу, в серую холодную взвесь, не оглядываясь.

Часть II

В семнадцать сорок пять в здании банка «Лекорню» начинался час призраков. Операционный зал на первом этаже уже закрыл тяжелые бронзовые двери для клиентов; кассиры сдали выручку в промежуточные боксы; клерки кредитных отделов потянулись к выходам, застегивая плащи и обсуждая планы на вечер. В длинных коридорах гасили половину люстр, переводя освещение в дежурный режим, и от этого тени между мраморными пилястрами становились длиннее и гуще. Пьер спускался по служебной каменной лестнице, ведущей на минус второй уровень — туда, где под железобетонной плитой фундамента располагались архивы старой документации и кабельные коллекторы внутренней связи.

Его шаги не отдавались эхом. Подошвы его ботинок из мягкой микропористой резины были сделаны на заказ — они не скрипели ни на натертом паркете директорского этажа, ни на грубом цементе подземных переходов. Перед тем как заступить на вечернее дежурство у третьего шлюза, Пьер всегда проверял оборванные нити. Это было первое правило, которому он научился еще до того, как пришел в банковскую охрану из совсем другого ведомства: раненый зверь опасен не тогда, когда он бросается на тебя, а тогда, когда он забивается в темную щель и затихает.

Пост на центральном выходе доложил, что пропуск инспектора Жана-Люка Вассера до сих пор не проходил через турникет на выход. При этом в его кабинете на четвертом этаже свет был погашен еще в два часа дня. Пьер толкнул тяжелую противопожарную дверь сектора «Д» старого архива. Здесь пахло сырым известняком, плесенью, мышиным пометом и миллионами тонн слежавшейся бумаги, хранящей мертвые цифры за последние сто лет. Вдоль узких проходов тянулись бесконечные ряды стальных стеллажей, уходящих под самый потолок, где в защитных сетках тускло тлели желтые лампы накаливания в сорок ватт.

Пьер прошел до четырнадцатого ряда и остановился. В тупике между коробками с погашенными векселями девяностых годов, за маленьким металлическим столиком для сверки описей, сидел Вассер. Инспектор сидел в темноте — лампа над его проходом была выкручена наполовину, — положив обе руки на холодную жесть столешницы. Перед ним стоял пластиковый стаканчик с давно остывшей водой и маленький темный флакончик нитроглицерина с откинутой крышкой. Рядом лежал чистый лист гербовой бумаги и отвинченная перьевая ручка. На листе была выведена только одна строчка: *«Прокурору Финансовой палаты по надзору за кредитными...»*

Дальше перо замерло, оставив на бумаге расплывшуюся чернильную кляксу. Старик не спал. Он смотрел в эту кляксу немигающим, остекленевшим взглядом, а его правая рука — та самая, которую Пьер сжал утром у лифта, — была распухшей в суставах и синеватой. Когда тень Пьера упала на стол, Вассер даже не вздрогнул. У него больше не осталось ресурса на испуг.

— Заявление пишется в двух экземплярах, Жан-Люк, — тихо сказал Пьер, останавливаясь в полуметре от столика и глядя на инспектора сверху вниз. — Но ни один из них не выйдет из этого здания. Курьерская почта проходит через рентген на моем посту, а если вы попытаетесь вынести бумагу в кармане, вас задержат на рамке по подозрению в краже архивных бланков.

Вассер медленно поднял голову. В желтом, болезненном полумраке его лицо казалось восковой маской.

— Вы все там повязаны, — прошептал старик пересохшими губами. — Ты и он. Охранник и главный бухгалтер. Я четыре часа сидел здесь и вспоминал... Вспоминал все ночные смены за два года. Каждый раз, когда из хранилища третьей очереди уходили немаркированные контейнеры, в графике дежурств стояла твоя фамилия. А на следующее утро месье Валери

закрывал балансовые ведомости через счета реструктуризации. Что вы делаете с банком, Пьер? Вы же выедаете его изнутри...

Пьер не ответил. Он спокойно протянул руку, взял со стола перьевую ручку, аккуратно закрутил колпачок и положил ее в нагрудный карман пиджака Вассера. Затем взял лист с недописанной строчкой, сложил его вчетверо и убрал в свой китель. В его движениях не было ни спешки, ни угрозы — только тяжелая, методичная неотвратимость санитара, убирающего со стола режущие предметы.

— Через пятнадцать минут на этом уровне отключат приточную вентиляцию на ночной режим, — ровно произнес Пьер. — Здесь станет трудно дышать, особенно с вашим сердцем. Если вас найдут здесь утром на полу, в медицинском заключении напишут «острая коронарная недостаточность на фоне переутомления». Банк выплатит вашей семье пособие в размере трех окладов. Но страховка не покроет ипотеку вашей дочери. А если вы сейчас встанете, подниметесь на первый этаж и подпишете в отделе кадров заявление о выходе на досрочную пенсию по состоянию здоровья — бланк уже лежит у начальника отдела, месье Валери распорядился в три часа дня, — то к понедельнику закладная вашей дочери будет полностью погашена за счет премиального фонда выслуги лет.

Вассер смотрел на него снизу вверх, и по его небритой щеке медленно сползла одна-единственная мутная слеза.

— Он даже это уже подготовил... — глухо выдохнул старик. — В три часа дня...

— Месье Валери не любит незавершенных проводок, — сказал Пьер, взял со стола флакончик с таблетками, закрыл крышку до щелчка и вложил его в здоровую, левую ладонь инспектора. — Вставайте, Жан-Люк. Я провожу вас до лифта.

Пять минут спустя, когда ссутулившийся старик, шаркая ногами, ушел через проходную отдела кадров, подписывать свою капитуляцию в обмен на тихую старость, Пьер свернул в технический коридор сектора связи. Он открыл своим мастер-ключом стальную дверь распределительного узла резервных серверов, подошел к третьей стойке, где мигали зеленые светодиоды оптических линий видеоконтроля подземных шлюзов, и ввел на сервисной клавиатуре двенадцатизначный код инженера безопасности. На маленьком монохромном экране всплыло меню расписания архивации.

Пьер перевел курсор на линию «Шлюз-3 / Внутренний пандус / Весовой контроль». Установил таймер циклической перезаписи буфера: с 19:00 до 21:00 система должна была транслировать на пульт центральной охраны зацикленную картинку пустого бетонного бокса, записанную вчера в то же самое время, в то время как на жесткие диски резервного копирования шел бы сигнал технической калибровки матрицы. Никаких сбоев. Никаких черных экранов, вызывающих вопросы у дежурного оператора. Просто два часа идеальной, неподвижной пустоты. Пьер нажал клавишу подтверждения, запер стальной шкаф и посмотрел на часы. Было восемнадцать сорок. Пора было спускаться к шлюзу.

Третий транспортный шлюз банка «Лекорню» находился на глубине двенадцати метров под мостовой, прямо под глухой северной стеной здания. Это был бетонный мешок длиной в двадцать метров, обшитый изнутри рифлеными стальными листами, способными выдержать подрыв направленного заряда. С улицы сюда вел крутой подземный пандус, перекрытый двумя опускными гидравлическими гермоворотами весом по восемь тонн каждые. В девятнадцать двадцать пять в шлюзе было холодно и гулко. Под потолком жестко гудели вытяжные турбины, вытягивающие выхлопные газы, а бетонный пол, размеченный желтыми полосами габаритов, лоснился от масляных пятен и сырости.

Здесь находились только четверо. На верхнем мостике у пульта гидравлики стояли двое людей Пьера — молчаливые бывшие легионеры с короткими пистолетами-пулеметами под куртками, которые за тройной оклад не задавали вопросов ни о маршрутных листах, ни о том,

почему главный бухгалтер лично спускается в разгрузочный бокс после окончания рабочего дня. У весовой платформы, рядом с гидравлической тележкой, стоял сам Пьер. А в трех шагах от него, у узкой бронированной двери, ведущей в коридор хранилища третьей очереди, стоял Валери.

Бухгалтер был без пальто, в своем неизменном темно-сером костюме, но в ледяном сквозняке подземного бункера он даже не ежился. В руках он держал планшет из черного пластика с прижатыми стальным зажимом накладными внутренней проводки и перьевую ручку. Ровно в девятнадцать тридцать над внешними воротами мигнул синий стробоскоп. Раздался низкий, утробный вой гидравлических цилиндров, и первая восьмитонная плита медленно поползла вверх, открывая черную пасть въездного туннеля. В шлюз, тяжело урча шестилитровым дизелем и обдавая стены горячим угаром солярки, задом вкатился бронированный трехосный фургон южного филиала.

Как только его передний бампер пересек линию фотоэлементов, внешние ворота с грохотом рухнули вниз, отсекая подземелье от внешнего мира. Через секунду лязгнули боковые ригели блокировки. Фургон оказался заперт в стальной капсуле. Двигатель заглох. В наступившей тишине было слышно только, как потрескивает остывающий глушитель да капает с колесных арок грязная дождевая вода с ночных дорог. Пьер шагнул к задним дверям броневика. Водитель и старший сопровождения не выходили из кабины — таково было правило закрытой разгрузки первой категории: экипаж оставался за бронестеклом, пока груз не принимала внутренняя служба главного здания.

Пьер сверил номер одноразового электронного замка на заднем борту с кодом в своем терминале, приложил магнитный ключ и с силой повернул тяжелую запорную штангу. Дверь кузова с тугим шипением резиновых уплотнителей распахнулась. Внутри, в тусклом свете потолочного плафона фургона, двумя ровными рядами стояли двенадцать низких, обитых оцинкованным железом ящиков из мореного дуба. На боковине каждого ящика чернел трафаретный штамп дома «Лекорню», инвентарный индекс возвратного залогового резерва и две свинцовые пломбы на стальной витой проволоке.

По накладным, которые лежали на планшете Валери, внутри находились четыреста восемьдесят килограммов нераспределенного золота в банковских слитках и полуфабрикатах, изъятых из хранилищ южной сети ювелирных салонов после закрытия их кредитных линий в прошлом месяце. Люди Пьера спустились с мостика, подкатили гидравлический подъемник и начали выгружать ящики на платформу. Они работали молча, тяжело дыша от натуги. Каждый ящик весил больше сорока килограммов; стальные ролики тележки глухо грохотали по бетонному полу. Один. Второй. Пятый. Девятый.

Валери стоял неподвижно, ставя короткую галочку напротив каждого проходящего мимо него серийного номера. Лицо его было бесстрастным. Но когда на платформу опустили двенадцатый, последний ящик — серия AU-914-K, — Пьер внезапно поднял руку, останавливая своих людей.

— В чем дело? — тихо спросил Валери, не поднимая глаз от планшета.

Пьер не ответил сразу. Он повернулся к своим охранникам и коротко кивнул на дверь пультовой рубки:

— Поднимитесь наверх. Закройте внешний контур вентиляции и подготовьте выезд для машины. Я сам закачу последнюю паллету в тамбур.

Двое охранников без единого слова развернулись и поднялись по железному трапу в рубку. Тяжелая дверь за ними захлопнулась. Водитель броневика за тонированным стеклом кабины смотрел вперед, в бетонную стену. В огромном полутемном шлюзе остались только они двое. Пьер опустился на одно колено перед двенадцатым ящиком. Его пальцы в черных тактических перчатках скользнули по верхнему стальному уголку крышки, затем спустились к боко-

вому пазу, где проходила витая пломбировочная проволока. Валери медленно подошел ближе. В резком свете прожектора, бьющего сверху, стекла его очков блеснули холодным белым огнем.

Разгрузка первых одиннадцати ящиков заняла сорок восемь минут. На часах было 20:18.

— Почему мы задерживаемся, Пьер? — голос бухгалтера был сухим и ровным, но под этим спокойствием звенела тонкая, натянутая до предела струна. — У нас осталось сорок две минуты до включения серверного лога.

Пьер поднял голову и посмотрел на Валери снизу вверх. В его глазах не было привычной служебной почтительности, которую он демонстрировал утром перед дверями совета директоров. Здесь, на глубине двенадцати метров, под тоннами бетона и стали, вся табель о рангах банка «Лекорню» превращалась в шелуху.

— Этот ящик вскрывали в дороге, Валери, — тихо сказал Пьер, впервые за весь день опуская слово «месье».

Валери замер. Только пальцы, сжимавшие перьевую ручку, чуть побелели в суставах.

— Свинцовая пломба южного филиала цела, — произнес бухгалтер, глядя на оттиск клейма. — Я сам сверял код матрицы перед выездом машины.

— Пломба цела, — согласился Пьер и кончиком ножа, извлеченного из ножен на поясе, поддел головку одного из стальных шурупов, крепивших нижнюю петлю замка к дубовой стенке. На темном вороненом металле отчётливо виднелась свежая, серебристая царапина, а вокруг шляпки темнело едва заметное кольцо графитовой смазки. — Они не трогали проволоку. Они выкрутили нижние шпильки петли на стоянке под Лионом, подняли крышку со стороны шарнира, а потом посадили шурупы обратно на эпоксидный клей. И посмотри на осадку рессор тележки.

Пьер положил тяжелую ладонь на угол ящика и слегка надавил.

— По ведомости здесь сорок килограммов чистого металла, — глухо произнес охранник, поднимаясь во весь свой огромный рост и вставая вплотную к главному бухгалтеру. — А по факту — сорок один с половиной. Тот, кто менял содержимое по дороге из филиала вашего нового ювелирного фонда, плохо рассчитал плотность сплава при отливке сердечника. Или спешил.

В бетонном мешке шлюза повисла мертвая, давящая тишина. Слышно было только, как где-то за стеной, в толще гранита, глухо пульсируют водяные насосы фундамента. Пьер стоял так близко, что Валери чувствовал исходящее от него тепло — запах нагретого сукна, порохового нагара и тяжелой мужской силы. Охранник смотрел прямо в лицо маленькому бухгалтеру, и в этом взгляде сквозила жестокая, беспощадная усмешка человека, который только что поймал своего напарника за руку над открытой бездной.

— Значит, вашей супруге уже мало забирать магазины у стариков за долги, — медленно, почти шепотом проговорил Пьер, не отводя взгляда от зрачков Валери за тонкими линзами. — Она решила возвращать банку залоговый металл... но уже без золота внутри. А вы подписываете накладные на слепой прием через мой шлюз. Не предупредив меня, что с сегодняшнего дня мы охраняем крашеный свинец.

Валери не отступил ни на миллиметр. Хотя голова Пьера возвышалась над ним на целую ладонь, а одно движение руки этого человека могло сломать ему шею быстрее, чем упадет гидравлический затвор ворот, главный бухгалтер смотрел на охранника снизу вверх с тем ледяным, нечеловеческим спокойствием, от которого утром цепенели директора за красным столом. Между ними не было ненависти — ненависть слишком горяча для таких людей. Между ними стояла темная, извращенная спайка двух заговорщиков, каждый из которых держал нож у горла другого и одновременно прикрывал его спину от всего остального мира.

— Это не свинец, Пьер, — ровно, почти беззвучно ответил Валери. — У свинца слишком мягкая кристаллическая решетка, он не пройдет ультразвуковой тест при внешней ревизии. Это спеченный вольфрамовый порошок с калиброванной медной присадкой и тремяста

микронами гальванического золота девятьсот девяносто девятой пробы сверху. Погрешность по весу в полтора килограмма на ящик списана в накладной на тяжелую свинцовую фольгу внутренней изоляции от рентгеновского сканирования.

Глаза Пьера чуть сузились. Несколько секунд он молча изучал бледное, неподвижное лицо бухгалтера, словно заново оценивая глубину той пропасти, в которую этот тихий человек в очках спускал целый банк ради женщины, сидящей сейчас за ужином при свечах.

— Она не знает про этот ящик, — вдруг тихо сказал Пьер. И это был не вопрос. — Ее управляющие на юге думают, что просто перебросили неликвидный залог обратно в головной резерв по вашей схеме. А подмену в Лионе сделали ваши люди. Вы берете настоящее золото из ее же ювелирных поставок... и закрываете им дыру, которую мы с вами вырыли на нижнем ярусе.

Уголок тонких губ Валери едва заметно дрогнул.

— Моя жена строит витрину, Пьер, — тихо произнес главный бухгалтер, и в его голосе впервые зазвучала глухая, страшная усталость человека, несущего на плечах свод рушащегося храма. — Ей нужны камни, имена и свет в окнах на площади Побед. Она не должна знать, из чего состоят кирпичи в фундаменте под ее ногами. Иначе она захочет забрать и сам фундамент. А там, внизу, места хватит только для нас с вами.

Он поднял планшет, отвинтил колпачок перьевой ручки и, не глядя на сорванный шлиц шурупа, размашисто, своим безупречным каллиграфическим почерком поставил подпись в графе: *«Пломбы проверены. Принято на ответственное хранение в основной фонд без замечаний. Главный бухгалтер В.»* Затем он оторвал розовый дубликат квитанции и протянул его Пьеру.

Пьер смотрел на розовый листок бумаги в пальцах бухгалтера. Он понимал, что взяв эту бумагу сейчас, он окончательно сжигает последний мост, который отделял его от того холодного подиума в глубине хранилища. Но он также понимал, что другой дороги у него нет — и что рядом с этим маленьким, страшным человеком в сером костюме даже падение в бездну рассчитано до третьего знака после запятой. Пьер медленно поднял руку в черной перчатке, забрал квитанцию и спрятал ее в нагрудный карман у самого сердца.

— В двадцать один ноль-ноль включится запись на резервном сервере, месье Валери, — уже прежним, ровным служебным голосом произнес охранник, отступая на полшага и берясь за рукоять гидравлической тележки. — Открывайте внутренний тамбур хранилища. У нас еще двенадцать ящиков, которые нужно уложить на стеллажи до прихода ночной смены.

Валери молча повернулся к бронированной двери, ведущей в глубь гранитного чрева банка, и набрал на наборной панели свой личный код доступа. Замок в полутораметровой толще стали тяжело, с маслянистым лязгом провернул ригели, и из открывшегося проема им в лицо пахнуло ледяным, вымороженным воздухом главного склепа. Холод из открывшегося проема не просто коснулся лица — он вошел под воротники, в рукава, в промежутки между ребрами, словно хранилище выдохнуло в них собственную, давно накопленную злобу. Воздух был сухим до боли в носоглотке. Он пах полированным металлом, старой смазкой и чем-то еще, почти неуловимым, что Валери сперва принял за едкую примесь консервационного состава.

Керосин. Запах был слабым, затертым, почти невозможным среди азота, машинного масла и озона, но именно поэтому он не мог принадлежать исправной системе. В хранилище не использовали керосин уже тридцать лет — с тех пор, как старые аварийные лампы заменили на герметичные световые кассеты. Валери задержал вдох, не меняя выражения лица. Пьер заметил это движение и ничего не спросил. Он умел читать не только людей, но и паузы между их словами.

За бронированной дверью начинался главный склеп «Лекорню»: длинный зал, вырубленный в граните еще до того, как нынешняя система банковского надзора обрела свои первые параграфы. По обеим сторонам тянулись ряды стальных ячеек с механическими запорами, а в

центре возвышался подиум на низком основании из темного камня. Над ним, под решетчатым потолком, проходили воздуховоды и линии аварийного питания. Все было устроено так, чтобы ни огонь, ни вода, ни человеческая ошибка не добрались до того, что здесь хранилось. Впрочем, эта архитектура создавалась людьми, которые верили, что зло приходит снаружи. Валери давно знал, насколько наивна подобная вера.

Пьер первым переступил порог. Он не направил фонарь на центральный стеллаж — сначала провел лучом по потолочным углам, потом по швам между стеновыми плитами, затем по полу вдоль правой стены. Только убедившись, что датчики не мигают чужим цветом и что ни одна из тонких металлических полос на контрольных швах не нарушена, он кивнул Валери.

— Система говорит, что здесь никого не было, — сказал он.

— Система говорит то, что мы велели ей говорить, — отозвался Валери. — Это не одно и то же.

Пьер чуть повернул голову. Ответ ему не понравился, но он не стал тратить на недовольство ни секунды. Он снял с запястья терминал, ввел резервный код и включил рабочее освещение центрального прохода. Лампы зажглись одна за другой, без торжественности и даже без привычного мерцания, как будто зал все это время не стоял во тьме, а просто ждал, когда ему разрешат посмотреть на пришедших.

Четыреста сорок слитков AU-914-K, полный итог после разгрузки, лежал на подиуме аккуратными пирамидами, по двадцать штук в каждом ряду. На расстоянии они казались совершенными: чистые грани, ровные фаски, клейма швейцарских пробирных палат, серийные номера, нанесенные с точностью, доступной лишь дорогому промышленному лазеру. Их золотистая поверхность впитывала свет и возвращала его мягким янтарным блеском. Пьер смотрел не на блеск. Он смотрел на промежутки между штабелями, на тонкую пыль, осевшую у оснований пирамид, и на едва различимые дуги на полу, которые оставляют ролики тяжелой платформы, если ее перемещают не по прямой.

— Центральный ряд сдвигали, — произнес он.

— Его сдвигали во время последней инвентаризации.

— Инвентаризация была шесть недель назад. Пыль осела заново. Следы свежие.

Валери опустил взгляд. На первый взгляд следы действительно выглядели пустяком: тонкие серые полумесяцы, почти незаметные на темном камне. Но по одному из них тянулась короткая борозда — кто-то протащил через зал предмет, не подняв его на ролики. Борозда заканчивалась у основания подиума, в месте, куда штатная платформа никогда не заходила.

— Двенадцать ящиков, — сказал Валери. — Ставим их на внешний ряд. После этого я хочу сверить каждый инвентарный номер с книгой приемки. Не с планшетом. С книгой.

— Вы сами только что подписали акт без замечаний.

— Акт подтверждает то, что я принял в шлюзе. Он не подтверждает то, что здесь уже лежало.

На лице Пьера впервые за вечер обозначилось нечто похожее на уважение. Не к решению — к тому, что Валери все-таки произнес вслух собственную мысль. Между ними давно существовало простое правило: пока опасность оставалась без названия, с ней можно было торговаться. Названная опасность требовала действий. Они вручную откатили первый ящик к стальному столу для пробирной проверки. Пьер сделал это без усилия, будто сорок килограммов мореного дуба и железа были пустой тарой. Валери снял перчатки, положил их рядом с планшетом и осмотрел свинцовые пломбы. Оттиски совпадали с накладной. Витая проволока не имела повреждений. Но керосиновый запах усилился — теперь он отчётливо шел от нижней кромки ящика.

— Не открывайте, — сказал Пьер.

Валери поднял на него глаза.

— Почему?

— Потому что если это горючая смесь, она могла попасть внутрь. А если кто-то рассчитывал на искру от пробирного стола, у нас здесь не останется времени даже на то, чтобы понять, кто именно нас убил.

Валери наклонился над стыком крышки. В одном углу дерева темнела узкая влажная полоса, не шире ногтя. Он провел по ней краем белой салфетки. На ткани осталось прозрачное маслянистое пятно, которое через секунду отдало резким, знакомым запахом.

— Это не заливка древесины, — сказал он. — Керосином обрабатывали стык. Совсем недавно.

Пьер не ответил. Он достал из внутреннего кармана складной нож, перерезал не пломбу, а тонкий шнур внутренней обвязки, и осторожно приподнял крышку со стороны петли. Внутри лежали слитки — ровными рядами, каждый завернутый в тонкую защитную пленку. Ни капсулы, ни провода, ни очевидной ловушки. Только привычная, почти издевательская безупречность работы. Валери взял верхний слиток обеими руками. Металл был холодным и тяжелым. На фаске под пробирным клеймом просматривалась микроскопическая линия, похожая на след от неудачной полировки. Он повернул слиток к свету и ногтем провел по краю напыления.

Золото не шелохнулось. Под ним, однако, скрывалась другая структура: тонкий внешний слой, затем плотное сероватое ядро, в котором медная присадка распределялась неравномерно. Валери знал эту технологию. Он сам когда-то одобрил ее спецификацию — не для подмены банковского резерва, конечно, а для испытаний на распознавание поддельных слитков в закрытом контуре. Так говорила бумага. Бумаги вообще были полны добрых намерений.

— Это наш сплав, — произнес он.

— Нет, — сказал Пьер. — Это похоже на наш сплав. Разница есть.

Он забрал слиток, перевернул его и направил фонарь под углом на нижнюю грань. В углублении, которое должно было быть гладким, проступили три едва различимые точки. Не заводская маркировка. Не пробирный знак. Три прокола, расположенные так, что с расстояния их можно было принять за дефект металла. Пьер вынул из кармана маленький латунный щуп с заостренным концом и приложил его к первому проколу.

— Наши матрицы оставляют один след, — тихо сказал он. — Две точки — это старый контур. Три — кто-то перенес рисунок, но не понял, зачем он нужен.

Валери замер со слитком на ладонях. По-настоящему хорошая подделка не копирует то, что видит покупатель. Она копирует то, что проверяет тот, кто уже знает о подделках. И человек, изготовивший этот металл, понимал это достаточно хорошо, чтобы пройти внешний контроль, но недостаточно хорошо, чтобы не оставить собственную подпись в глубине фальшивого клейма.

— Кто еще имеет доступ к старым матрицам? — спросил Валери.

— В официальном списке — три человека. Вы, я и начальник пробирной лаборатории, который умер два года назад. В неофициальном списке, — Пьер бросил взгляд на темный проем в дальнем конце зала, — гораздо больше.

Валери осторожно положил слиток на стол. На его пальцах остался тонкий след защитной пленки. Он не стал вытирать его. Вместо этого открыл на планшете журнал партий AU-914-K и вывел на экран последовательность контрольных номеров. У всех слитков в принятой им технологии должна была быть одна скрытая отметка: короткая насечка в четверти миллиметра под правым углом штампа. Ее нельзя было увидеть без увеличения, но можно было почувствовать ногтем. На этом слитке насечки не было.

— Сколько таких? — спросил Пьер.

Валери не ответил. Он начал вскрывать ящики один за другим, не трогая пломбы, а разрезая внутреннюю обвязку и складывая крышки на отдельную тележку. Через двадцать минут на столе лежало двадцать четыре слитка, отобранных из разных рядов и из разных ящиков. Все они выглядели безупречно. Все они имели один и тот же чужой тройной прокол. И все

они были изготовлены из сплава, который не значился ни в одном из технических приложений «Лекорню». Они не проверили остальные слитки. Не потому, что сомневались в результате, а потому, что после двадцать четвертого образца проверка перестала быть проверкой и превратилась в процедуру подтверждения уже известного приговора.

— Кто-то подменил не один ящик, — сказал Пьер. — Он подменил весь возвратный резерв южной сети. Возможно, не весь металл. Но достаточно, чтобы мы приняли его на ответственное хранение и поставили свою подпись под ложью.

— Мою подпись, — уточнил Валери.

— Нашу, — поправил Пьер. — Вы поставили ее в накладной. Я обеспечил слепой проход через шлюз. И если завтра здесь появится внешний аудит, никому не будет интересно, кто первым придумал сплав. Им понадобится человек, который подписал приемку, и человек, который отключил запись.

Валери снял очки и медленно протер стекла. Он делал это не потому, что они запотели: в хранилище было слишком сухо для запотевания. Ему требовалось несколько секунд, в течение которых никто не должен был видеть его глаза. За дверью, на уровне шлюза, раздался короткий щелчок. Звук был негромким, но обе головы повернулись к нему одновременно. Пьер поднял ладонь, требуя тишины, и приложил палец к гарнитуре.

— Пост, ответьте.

В наушнике не было ни шипения, ни голоса дежурного. Только ровный низкий гул, похожий на тот, что шел из стен подиума. Пьер переключил канал. Потом второй. Потом вызвал личный сигнал двух охранников, оставленных на мостике. Ответа не последовало. Пьер не выругался. Это было хуже ругани. Он вынул пистолет, проверил затвор одним коротким движением и направился к выходу, но Валери удержал его за рукав.

— Сначала посмотри на дверь.

На панели доступа горел зеленый индикатор. Внутренний замок был открыт. Однако рядом с ним, там, где обычно отображалось состояние наружных ригелей, медленно мигал янтарный знак ручной блокировки. Этого режима не должно было существовать в меню пользовательского терминала. Он предназначался для аварийного управления с верхнего поста и требовал двух отдельных подтверждений.

— Они заблокировали шлюз, — произнес Валери.

— Кто — они?

— Если бы я знал, Пьер, я бы не стоял здесь с фальшивым золотом в руках.

На этот раз Пьер посмотрел на него почти с жалостью. Нечастое выражение для его лица — и потому особенно неприятное. Он слишком хорошо знал, что Валери привык считать чужие действия разновидностью бухгалтерской строки: любое движение имело автора, стоимость, мотив и конечный счет, который рано или поздно можно закрыть. Но в хранилище впервые возникла операция без известного инициатора. Из глубины зала донесся негромкий звук. Не шаг. Не скрип металла. Скорее осторожное прикосновение к тонкой стальной поверхности — так звучит ноготь, проведенный по краю закрытой ячейки.

Пьер медленно развернулся. Луч фонаря прошел по рядам стеллажей, по холодным фаскам, по черным промежуткам между пирамидками слитков. На мгновение свет задержался у центрального подиума, и в самом дальнем его углу блеснуло что-то влажное.

— Там кто-то есть, — сказал Пьер.

— Датчики движения молчат.

— Значит, он знает, где их слепая зона.

Они двинулись вдоль стены, не приближаясь друг к другу настолько, чтобы мешать оружию. В хранилище было достаточно пространства, чтобы человек мог спрятаться, и слишком мало выходов, чтобы спрятаться надолго. Пьер держал фонарь ниже уровня глаз, выхватывая пол и нижние части стеллажей. Валери шел за ним, прижимая к груди планшет с журналом

партий — теперь этот тонкий прямоугольник пластика содержал единственное доказательство, которое пока еще не успели переписать.

У основания подиума обнаружилась узкая полоса жидкости. Она тянулась вдоль каменного шва, собираясь в темные капли там, где пол был выщерблен. Пьер опустился на одно колено, коснулся жидкости кончиком перчатки и поднес руку к фонарю. Поверхность блестела слишком ровно, а запах ударил сильнее. Керосин. Теперь он был уже не ошибкой старой системы и не случайным следом на деревянной крышке. Жидкость кто-то протянул по полу тонкой линией — от закрытого сервисного люка в стене к центральному подиуму. Как будто размечал маршрут. Или границу, через которую не следовало переступать.

Пьер поднял голову. Сервисный люк не числился в действующих схемах хранилища. Его заварили и залили бетоном при модернизации тридцать лет назад. Но поверх стального контура теперь отчётливо виднелась свежая царапина, а из-под нижней кромки медленно выступала темная капля.

— Ты говорил, здесь никого не было, — тихо произнес Валери.

— Я говорил, что система этого не видела.

Пьер провел фонарем по стыку, затем посмотрел на рукав собственной перчатки, на которой осталась тонкая красноватая полоса. Кровь. Совсем свежая. Не его.

В этот момент над их головами погасло рабочее освещение.

Свет не исчез полностью. Включились аварийные полосы вдоль пола, окрасив нижние части стеллажей в тусклый, хирургический красный цвет. В глубине зала, за центральным подиумом, что-то с глухим стуком упало на камень. Эхо прокатилось по гранитному своду и растворилось в гуле вентиляции. Пьер вскинул оружие. Валери застыл, глядя туда, где красная полоса света пересекала основание стеллажа. На металле лежал небольшой предмет — то ли инструмент, то ли обломок крепления. Рядом с ним темнела капля крови. А затем из дальнего ряда, почти у самой стены, донесся человеческий вдох. Слабый, рваный, с хрипом, который невозможно спутать ни с одним механизмом.

— Выходи, — сказал Пьер. Его голос не повысился, но теперь в нем не осталось ничего от служебной вежливости. — Ты уже оставил нам достаточно подсказок.

Ответа не было. Только капля сорвалась с чьей-то руки и ударилась о камень.

Кап.

Валери медленно повернул голову к центральному подиуму. Золотистые грани слитков в красном свете казались почти черными. В этой неподвижной пирамиде он вдруг увидел не запас капитала, не залоговую базу и не скрытую дыру в балансе. Он увидел тщательно составленную декорацию, построенную для зрителя, которого они еще не знали. И самое страшное заключалось в том, что зритель уже находился внутри. Пьер первым переступил порог.

Он ожидал увидеть узкий сервисный коридор, который по старому техническому плану должен был соединять зал хранилища с осушительной камерой. Вместо этого за дверью начинался еще один зал — не такой широкий, как основной, но гораздо более высокий, с потолком, уходившим в темноту на высоту, невозможную для фундамента «Лекорню». Стальные стеллажи стояли в нем ровными рядами. На каждом лежали банковские слитки, учётные папки, опечатанные пакеты документов и небольшие деревянные ящички с латунными табличками. Все было размечено, пронумеровано и выровнено с такой педантичностью, словно помещение готовили к визиту инспекционной комиссии. Только ни одна из табличек не содержала действующего инвентарного индекса.

Часть III

У входа на стене висели часы. Под циферблатом чернела табличка: «Сверка проводится ежедневно в 20:59:59». Стрелки показывали двадцать один ноль-ноль.

— Мы опоздали на секунду, — сказал голос из глубины.

В нем не было ни угрозы, ни насмешки. Это был спокойный голос человека, который сидит в приемной за пять минут до назначенного времени и не сомневается, что его примут первым. Говоривший произнес фразу так, будто сообщил курьеру о завершении окна доставки. Пьер поднял пистолет. Луч фонаря пошел по проходу, пересек ряды слитков, зацепил металлические корешки папок и остановился на фигуре, сидевшей за столом в дальнем конце зала.

Человек был одет в темный костюм старого покроя, безукоризненно подогнанный по плечам. На лацкане лежала маленькая золотая булавка в форме весов, а на манжетах не было ни одной складки. Перед ним стояли настольная лампа с зеленым стеклянным абажуром, стакан воды, чернильница и раскрытая книга учёта в черном переплете. Он держал перьевую ручку, но не писал. Его пальцы спокойно лежали на странице, словно запись уже завершилась и осталось лишь дождаться, когда остальные участники операции ознакомятся с результатом.

Лицо казалось одновременно молодым и очень старым. Не в смысле морщин или гладкости кожи — в нем не было ничего такого, что можно было бы отнести к возрасту. Просто взгляд принадлежал кому-то, кто видел множество лет, но ни разу не был вынужден провести их последовательно. Темные глаза отражали лампу маленькими зелеными прямоугольниками, как стекла счетных приборов. В уголках рта угадывалась мягкая улыбка человека, которому принесли именно то, что он заказывал.

— Наконец-то, — произнес он. — Я уже начал опасаться, что вы отправите сюда кого-нибудь из младших. С ними всегда приходится тратить время на объяснение очевидного.

— Встаньте, — сказал Пьер.

Человек посмотрел на него с живым, почти дружелюбным интересом.

— Зачем?

— Руки на стол. Медленно.

— Они уже на столе.

Пьер не опустил оружия. Его указательный палец лежал вдоль спусковой скобы, но сустав под перчаткой напрягся. Он умел читать тела с той же точностью, с какой Валери читал баланс: наклон плеча, перенос веса, едва заметный поворот запястья выдавали намерение раньше, чем оно становилось движением. У незнакомца не было ни одного такого признака. Он не был расслаблен. Он был уверен в том, что расслабление или напряжение вообще не имеют отношения к тому, что произойдет дальше.

Валери переступил порог следом. Едва его правая нога коснулась пола, электронный планшет в его руке издал короткий сигнал. Экран засветился серым фоном, а затем открыл привычный интерфейс внутренней учётной системы «Лекорню». В верхнем углу мигал символ нового документа. Валери не прикасался к экрану. На дисплее появилось сообщение: «Внеплановая сверка. Участники: 3. Статус: начата». Ниже стояло время: 20:59:59.

— Это невозможно, — сказал Валери.

— Нет, — отозвался человек за столом. — Невозможное не проводится в учётной системе. Это противоречит принципам внутреннего контроля. Мы просто не внесли операцию в ваш справочник допустимых событий.

Он произнес это с почти деловым сожалением, как старший аудитор, указывающий младшему сотруднику на пробел в классификаторе. Затем чуть наклонил голову.

— Месье Валери. Месье Пьер. Спасибо, что пришли лично. Это экономит время и снижает количество ошибок при идентификации.

— Вы знаете наши имена, — произнес Пьер.

— Разумеется. Вы оба указаны в ведомости.

— В какой ведомости?

— В той, которую вы пытаетесь не составлять последние несколько лет.

Незнакомец снова посмотрел на открытую книгу. На странице были начерчены колонки: «Актив», «Обязательство», «Дата возникновения», «Контрольное лицо», «Срок погашения». Бумага была цвета старой кости. Чернила в строках отливали темно-синим, а цифры имели такую точность и одинаковую форму, какая бывает у записи, напечатанной на хорошем принтере. Но знаки едва заметно двигались, словно книга не успевала удержать в себе те цифры, которые в нее вносили. В графе «Актив» стояло: «Существование банка «Лекорню»». В графе «Обязательство» — «Один неучтённый остаток». В графе «Дата возникновения» — пусто. В графе «Контрольное лицо» — «Валери». Последняя графа оставалась незаполненной.

Валери наклонился ближе, не заходя за край светового круга. На странице был водяной знак, которого он прежде не видел: крошечная башня с открытой дверью, над которой висело солнце без лучей.

— Кто вы? — спросил он.

— Контрагент.

— Название организации?

— Не требуется.

— Регистрационный номер?

— Отсутствует.

— Юрисдикция?

— До юрисдикций еще не дошло.

— Источник полномочий?

Незнакомец улыбнулся чуть шире.

— Вы удивительно добросовестны для человека, который только что подписал акт приемки заведомо ложного обеспечения.

Валери не изменился в лице. Только его большой палец медленно прошел по ребру планшета — туда и обратно, один раз. Пьер знал этот жест. Так бухгалтер делал, когда пересчитывал про себя риски, не доверяя ни одному доступному числу.

— Вы находитесь в закрытом банковском хранилище, — сказал Валери. — Вы проникли на объект, обходя системы контроля доступа. У вас нет зарегистрированного пропуска, вы не числитесь в журнале посещений, а помещение, в котором вы находитесь, отсутствует в актуальном плане здания. Это можно трактовать как незаконное проникновение, вмешательство в работу инфраструктуры, подделку учётных данных и попытку хищения имущества.

— Можно, — согласился человек. — Но тогда придется определить, кому принадлежит помещение, кто отвечает за инфраструктуру, каким реестром подтверждается право собственности и по какому основанию золото считается имуществом «Лекорню». Видите ли, месье Валери, вы начали с правовой квалификации события, которое еще не получило бухгалтерского признания. Это очень распространенная ошибка. Сначала устанавливают наличие записи, потом — владельца записи, и только затем — ответственность.

Он отложил ручку параллельно нижнему краю страницы. Расстояние между ручкой и линией таблицы было ровно в один палец.

— У вас, разумеется, есть оружие, — продолжил он, взглянув на Пьера. — И право применять его в определённых обстоятельствах. Но для применения права требуется событие. Если вы выстрелите в меня, в отчёте появится повреждение имущества, расход боеприпасов и, вероятнее всего, ранение сотрудника службы безопасности. Вопрос в том, какой именно сотрудник будет указан. Вас? Меня? Или того человека, которого вы обнаружите здесь, когда перестанете на меня смотреть?

Пьер не отвел взгляда.

— Я обнаружил вас.

— Именно. Пока вы обнаружили меня, вы меня и учитываете. Это принципиально разные вещи.

Тишина стала плотнее. Пьер почувствовал, что его ладонь вспотела внутри тактической перчатки. Он не мог вспомнить ни одного момента, когда человек за столом моргнул. Не потому, что тот не моргал, — это было бы слишком простым наблюдением. Просто каждый раз, когда Пьер хотел зафиксировать движение его век, взгляд незнакомца оказывался уже направлен туда, где охранник собирался искать следующий признак.

Валери обошел стол по дуге, оставляя между собой и незнакомцем полосу света. Он изучал не лицо, а рабочую поверхность: чернильницу, стакан, книгу, часы, настольную лампу. Вода в стакане была неподвижной, хотя пол под ними едва заметно вибрировал. На ободке не было следов губ. Чернильница стояла открытой, но чернила не высыхали; по поверхности тянулась тонкая серебристая пленка, напоминавшая ртуть. Лампа давала свет, но под ее основанием не было шнура. Часы показывали 20:59:59, и их секундная стрелка не двигалась.

На столешнице лежала еще одна вещь: небольшой металлический жетон с выбитым номером 000000. Ноль был нанесен не как цифра, а как крошечное круглое углубление, будто металл сам втянулся внутрь. Валери потянулся к жетону, но незнакомец чуть поднял ладонь.

— Не трогайте, пожалуйста. Он пока не ваш.

— Чей же он?

— Того, кто останется после закрытия.

— После закрытия чего?

— Отчётного периода.

Валери взглянул на часы. 20:59:59. На своем планшете он увидел ту же отметку. В верхней строке системы появился индикатор выполнения: «Сверка: 0,00 %». Число не менялось, но под ним шла тонкая полоска загрузки. Каждый раз, когда полоса достигала конца, она исчезала, и появлялась новая — такой же длины, с нулевым прогрессом.

— У нас нет времени на загадки, — сказал Пьер.

— Время у вас есть, — ответил незнакомец. — У вас просто нет права им распоряжаться.

Он сказал это без нажима. Пьеру внезапно показалось, что голос прозвучал сразу из трех точек: из-за стола, из динамика его гарнитуры и где-то под полом. Все три версии фразы совпали по интонации и длительности, но последняя пришла на долю секунды раньше первой. Пьер резко обернулся к двери. За спиной находился коридор, которого он не видел секунду назад: длинный проход с низким потолком и рядом красных ламп. В дальнем конце стояла металлическая тележка, а на ней — двенадцать ящиков из мореного дуба, поступивших этим вечером. Один ящик был открыт. Из него торчала белая карточка приемки, аккуратно подвязанная к крышке бечевкой.

На карточке стояла подпись Валери.

— Не отвлекайтесь, — сказал человек за столом. — Мы только начали.

Пьер повернулся обратно. Коридор исчез. Входная дверь снова была на месте, за ней угадывался основной зал хранилища, а аварийная красная полоса света лежала вдоль пола непрерывной линией. Однако запах керосина стал сильнее. Он шел не от лужи у люка, а от самой книги учёта, словно темные страницы были пропитаны топливом.

— Вы хотите денег? — спросил Валери.

Незнакомец посмотрел на него так, как хороший преподаватель смотрит на ученика, предложившего самый простой и самый неверный ответ.

— Деньги — это обязательство, которое удачно пережило несколько поколений и научилось выглядеть активом. Нет. Я хочу не деньги.

— Золото?

— Еще хуже.

— Тогда что?

— Остаток.

Он перевернул страницу. Перо не коснулось бумаги, но в следующей строке появились цифры: 0,00000001. В графе единицы измерения стояло слово «доверие». В графе валюты — пустота.

— Этот банк, — произнес незнакомец, — с самого начала строился как аккуратная попытка забыть одну небольшую разницу. Не крупную. Не катастрофическую. Даже не злонамеренную, если оценивать мотивы по отдельности. Несколько людей однажды захотели, чтобы итоговая сумма совпала с ожидаемой. Они поправили округление, отложили признание убытка, перенесли обязательство на следующий период. Потом следующий человек сделал то же самое. А еще через двадцать лет никто не помнил, что в исходном расчёте была цифра, которую следовало признать отрицательной.

— Вы утверждаете, что банк основан на ошибке округления? — спросил Валери.

— Не утверждаю. Я показываю вам остаток, который не исчез после всех округлений.

Незнакомец склонился над книгой и провел ногтем по вертикальной линии между колонками. Линия на миг стала глубже, как настоящий надрез. Страница слегка разошлась в этом месте, и из нее вышел тонкий черный запах керосина. Валери отступил на шаг, но продолжил смотреть на цифры.

— Это не бухгалтерия, — сказал он.

— Конечно, бухгалтерия. Любая другая форма была бы слишком неточной.

Незнакомец поднял голову. В его глазах впервые появилось выражение, похожее на веселье.

— Вы же сами так считаете, месье Валери. Вы верите, что любую человеческую мерзость можно сделать приемлемой, если правильно распределить ее по периодам, исключить взаимозависимые переменные и подписать пояснительную записку. Вы не лжете в привычном смысле. Вы создаете учётную среду, в которой правда не имеет допустимого формата.

Валери молчал. Прямота удара была почти оскорбительна, но именно отсутствие обычной враждебности делало его точным. Незнакомец не обвинял его, не пытался вызвать стыд и не требовал признания. Он сообщал структуру операции. В его мире вина была не чувством, а классификационной меткой.

— А ты, — сказал Пьер, — что ты делал все эти годы?

— Я ждал, пока вы перестанете считать меня случайностью.

— Ты был здесь все время?

— Нет. Здесь — не совсем подходящее слово. Временами я находился в реестре. Временами в разнице между реестрами. Временами в той комнате, которую вы вычеркнули из плана, когда решили, что пустое пространство не требует расходов на обслуживание. Сегодня я просто получил возможность присутствовать без сноски.

Он произнес «без сноски» с несомненным удовольствием. Это была первая фраза за весь разговор, в которой прозвучала настоящая, почти детская радость.

— Я предпочитаю, когда меня указывают в основном документе, — добавил он. — Примечания часто теряются при консолидации.

Пьер сделал шаг к столу. Незнакомец не посмотрел на оружие. Вместо этого он открыл стоявшую рядом тонкую папку. На первой странице красовался логотип «Лекорню», точно воспроизведенный до мельчайшего изъяна: в центральной букве «О» была едва заметная плоская грань, которую дизайнеры дома пытались исправить в течение двадцати лет, но почему-то так и не исправили. Под логотипом шла надпись: «Акт первоначального признания». Ниже пустовали строки для подписей.

— У меня нет полномочий подписывать это, — сказал Валери.

— Пока нет.

— И я не подпишу документ, содержания которого не понимаю.

— Вы понимаете его содержание лучше меня. Вы просто не согласны с его последствиями.

Незнакомец повернул папку к Валери. На второй странице находилась таблица из четырнадцати строк. В первой значилось: «Учредительный капитал». Во второй: «Уставный резерв». В третьей: «Залоговые активы». В четвертой: «Необеспеченное обещание». Последняя строка называлась «Лицо, которое первым назовет ошибку ошибкой». Напротив нее пока стояло пустое поле.

— Что произойдет, когда вы получите подпись? — спросил Валери.

— Ничего лишнего. Будет признан остаток, возникнет обязательство, появится срок погашения. Баланс станет честнее.

— И банк обанкротится.

— Возможно. Но вы же знаете, что банкротство — это не смерть. Это процедура признания того, что обещания больше не могут быть исполнены в прежнем объеме. Многие организации проходят ее и продолжают существовать под новым названием.

— Вы хотите уничтожить «Лекорню».

— Нет, месье Валери. Я хочу, чтобы «Лекорню» перестал существовать в двух экземплярах.

Слова легли на стол без всякого нажима. Валери впервые ощутил подлинный страх — не потому, что услышал угрозу, а потому, что понял: незнакомец не пытается его запугать. Он не собирался добиваться согласия. Согласие было лишь одним из вариантов процедуры, причем не самым удобным. Он уже знал, что получит желаемое; вопрос касался исключительно формы закрытия. Часы на стене щелкнули. Стрелка не переместилась.

Пьер посмотрел на свой терминал. В журнале доступа появилось новое событие: «20:59:59. Участник: ВНЕШНИЙ. Действие: прибытие». Затем под ним возникла вторая запись: «20:59:59. Участник: ВНЕШНИЙ. Действие: подтверждение присутствия». Третья строка сообщала: «20:59:59. Участник: ВНЕШНИЙ. Действие: завершение визита». Все три события имели одинаковую контрольную сумму.

— У тебя нет имени, — сказал Пьер.

— Имя — необязательное поле.

— Я могу назвать тебя как угодно.

— Разумеется. Вы можете назвать меня кражей, помехой, ложной записью, демоном, старым долгом, ошибкой программного обеспечения. Я не возражаю против свободного выбора классификации. Главное — не перепутать описание с причиной.

— Тогда я назову тебя мертвым человеком, — сказал Пьер.

Незнакомец улыбнулся.

— Это было бы удобно. В вашем реестре смертей есть много свободных строк. Но вы заметите, что моя фамилия не помещается ни в одну из них.

Он указал на книгу. Валери посмотрел: вместо фамилии в графе «Контрагент» лежал длинный горизонтальный прочерк, за которым стоял знак, похожий на ноль, перечеркнутый не прямой, а уходящей вдаль линией. Символ был знакомым и незнакомым одновременно. Валери видел его когда-то на старой печати в подвале архивного крыла, на листе, который не должен был попасть в современную отчётность. Тогда он счел его следом дореволюционной бухгалтерской конторы, случайным элементом старого бланка. Теперь он вспомнил, что на той печати линия не была перечеркнута. Она уходила за окружность и продолжалась на самом металле, словно знак пытался покинуть границы собственного оттиска.

— Кто создал эту систему? — спросил он.

— Вы.

— Я родился через много лет после основания банка.

— Вы создали ту ее часть, которая позволила мне войти. Не путайте дату рождения с датой возникновения обязательства.

Незнакомец отодвинул книгу в сторону и поднялся. Движение было совершенно обычным. Он не исчез, не вытянулся до потолка, не превратился в дым. Стул едва слышно скрипнул, костюм лег складкой у пояса, и человек оказался на ногах. Но свет от зеленой лампы не изменился. На столе осталась тень его сидевшей фигуры, аккуратно очерченная на поверхности дерева, и одновременно появилась вторая тень — стоящего человека. Две тени не пересекались. Между ними пролегал узкий темный промежуток шириной с банковскую карту.

— Я не собираюсь причинять вам вред, — сказал незнакомец. — Это было бы нерационально. Вы оба полезны в текущем процессе. Месье Пьер обеспечивает целостность периметра; вы, месье Валери, умеете придавать происходящему приемлемую форму. Мне нравятся специалисты, которые знают границы своих инструментов.

— А если мы откажемся участвовать? — спросил Пьер.

— Тогда вы будете считаться отказавшимися от участия. Событие все равно состоится.

— Ты слишком уверен в себе.

— Нет. Я уверен в процедуре. Это не одно и то же, но для вас, возможно, выглядит похоже.

Незнакомец прошел вдоль стола и остановился у крайнего стеллажа. На его табличке было написано: «Пассивы, срок не определён». Он выдвинул один ящик, достал из него тонкую папку и, не открывая, протянул Валери.

— Ваша жена сегодня в восемнадцать сорок две получила письмо от нотариуса Лакруа. В письме подтверждается, что торговый дом «Шамбон» подписал предварительное согласие на продажу четырех филиалов. Она положила письмо в сейф у себя в кабинете, рядом с тем самым планшетом из синего бархата. До полуночи в ее трастовой структуре появится новый актив. Через три дня она обнаружит, что два из четырех филиалов не существуют в том виде, в каком были внесены в реестр. Через пять дней она поймет, что купила не недвижимость, а права на использование адресов. Через шесть дней она впервые позвонит вам не по рабочему вопросу.

Валери не взял папку.

— Ты следишь за моим домом?

— Я слежу за изменением обязательств. Дома часто входят в число обеспечения.

— Если ты хоть пальцем тронешь ее...

Незнакомец посмотрел на него почти ласково.

— Месье Валери, я не трогаю людей. Люди сами подписывают документы, в которых соглашаются быть залогом. Я лишь обеспечиваю корректное исполнение.

— Ты говоришь о ней как об активе.

— Вы сделали это задолго до меня.

Фраза не прозвучала как обвинение. Она была хуже: простое, зарегистрированное обстоятельство. Валери отвернулся, и на мгновение ему захотелось разбить планшет о край стола, разорвать книгу, выдернуть кабели из стен, выстрелить в лампу — произвести хотя бы одно действие, не поддающееся амортизации. Но привычка удержала его. Он знал цену импульсу. В деловом мире импульс всегда оставляет документальный след, даже если его совершили в одиночестве.

— Что тебе нужно от нас? — спросил он снова.

— Подтвердить состав участников и определить источник первой ошибки.

— Мы уже сказали, что не знаем тебя.

— Я не спрашивал, знаете ли вы меня. Я спросил, кто первым заметил несоответствие.

Незнакомец повернулся к Пьеру.

— Вы заметили, что ящик весит на полтора килограмма больше нормы. Вы решили, что это след человеческой подмены. Это было разумно, но неполно. Потом вы увидели керосин и предположили, что кто-то размечает маршрут. Это было разумно, но неполно. Затем вы обнаружили свежую кровь и решили, что в помещении скрывается раненый человек. Это было разумно. И снова неполно.

Он посмотрел на Валери.

— А вы увидели вольфрамовую оболочку и решили, что кто-то подменил золото. Вы распознали технологию, рассчитали последствия внешней проверки и начали составлять список людей, которые могли организовать подмену. Вы оба движетесь по правильным шагам. Но вы исходите из неверной предпосылки: будто подмена должна заменить то, что существовало прежде.

— Разве не так? — спросил Валери.

— Не всегда. Иногда достаточно создать запись о том, что нечто было заменено, и все последующие проверки станут искать отсутствующий объект. Вам не обязательно похищать золото, чтобы банк потерял золото. Нужно только добиться, чтобы система признала, будто оно находилось здесь, а затем ушло. Если запись безупречна, физический металл становится вторичным доказательством.

Он раскрыл папку. Внутри лежали фотографии слитков, лабораторные сертификаты и акты приемки, оформленные на бланках «Лекорню». Все подписи были настоящими. Валери узнал собственный почерк на четырех листах и подпись Пьера на двух. Даты стояли завтрашние.

— Эти документы еще не существуют, — сказал Валери.

— На вашем сервере — нет. В обязательствах — уже существуют.

— Ты создаешь будущее задним числом?

— В вашем банке это называется корректировкой после отчётной даты. Вы делаете это регулярно.

Незнакомец закрыл папку. Он был совершенно серьезен. От этого его слова становились почти невыносимыми: он не предлагал невозможное как чудо; он просто использовал терминологию внутреннего контроля для описания того, что разум не мог принять. Валери почувствовал, как в груди поднимается знакомая холодная злость. Именно так он разговаривал с директорами, когда те пытались поймать его на несогласованности в отчёте. Он не терпел неопределённости, особенно когда неопределённость маскировалась под интеллектуальное превосходство. Если незнакомец хотел играть в аудит, он получит аудит.

— Хорошо, — сказал Валери. — Давайте исходить из ваших предпосылок. Вы утверждаете, что являетесь неучтённым остатком. Любой остаток должен иметь источник, величину и период возникновения. Величина может быть неизвестной, но сам факт наличия остатка означает, что существует операция, в которой дебет не соответствует кредиту. Покажите исходную проводку.

Пьер медленно повернул голову к нему. Он узнал тот голос — ровный, безразличный к угрозе, какой слышал за дверями совета директоров. Валери снова был в своей стихии. Не в безопасности, но хотя бы в структуре. Незнакомец посмотрел на него с неподдельным восхищением.

— Вот теперь мы разговариваем.

Он открыл книгу на последней странице. Там не было таблиц. Только один лист, на котором простым карандашом была начертана схема: старый гранитный фундамент; металлическая капсула; три контура стен; круглая комната под залом хранилища; и маленькая черная точка в самом центре. От точки расходились стрелки к нескольким датам, самая ранняя из которых была указана как «до утверждения первого устава». Самая поздняя — сегодняшняя дата, 20:59:59.

— Здесь нет проводки, — сказал Валери.

— Она была сделана до появления счета, на который ее следовало отнести.

— Это не ответ.

— Это ответ, который не помещается в вашем плане счетов.

Незнакомец постучал ногтем по черной точке. В комнате отозвался звук, похожий на короткий удар молотка по внутренней стороне большого пустого резервуара. Сразу же где-то далеко, за несколькими стенами, один за другим щелкнули ригели. На планшете Валери появилась новая строка: «Внутренний контур: открыт». Следом — «Внутренний контур: закрыт». Потом снова «открыт». Все три события произошли в одну и ту же секунду.

Пьер проверил гарнитуру. Теперь в канале звучали голоса его охранников. Они докладывали о нормальной обстановке у шлюза, называли номера постов и повторяли, что внешние двери закрыты. Но каждый голос шел с задержкой, причем задержка была разной. Первый дежурный докладывал о событиях, которые еще не произошли; второй описывал то, что происходило сейчас; третий говорил так, словно доклад уже был принят и подшит к журналу смены.

— Пост номер два, доложите, что видите перед собой, — приказал Пьер.

— Коридор. Стальная дверь. Красный индикатор, — ответил голос.

— Что находится за дверью?

— Не знаю. Я не открывал.

— Хорошо. Не открывайте.

— Уже открыли, сэр.

Пьер замер.

— Повтори.

— Дверь уже открыли. Вы стоите внутри, сэр. Рядом с вами месье Валери.

Пьер медленно снял гарнитуру и посмотрел на нее. Устройство было исправно. Индикатор канала горел зеленым. На внутренней стороне чашки наушника запотевший отпечаток кожи имел форму не его уха, а чужого — чуть уже, с непривычно длинной мочкой. Незнакомец не обратил на это внимания.

— Периметр защищает пространство, — сказал он. — Но вы охраняете не пространство. Вы охраняете право банка говорить, где оно начинается и заканчивается. Это гораздо более дорогая услуга. К сожалению, в штатном расписании она не предусмотрена.

— Я могу выстрелить, — сказал Пьер.

— Да.

— И ты это допускаешь?

— Я не допускаю и не запрещаю. Это не моя функция.

Пьер поднял пистолет, направил его незнакомцу в грудь и на мгновение почувствовал облегчение. В мире по-прежнему существовали простые вещи: расстояние, масса, скорость пули, сопротивление ткани, глубина проникновения. Любая абстракция заканчивается там, где начинается физика. Он видел слишком много людей, которые считали себя недоступными, пока не сталкивались с обычной свинцовой оболочкой. Он нажал на спуск. Пистолет щелкнул.

Ни выстрела, ни осечки, ни отдачи. Затвор не сдвинулся. Пьер опустил взгляд. Патронник был пуст. Он помнил, как проверял оружие у входа в основной зал. Помнил, как патрон встал в патронник, как затвор вернулся вперед, как предохранитель был снят. Теперь магазин оставался на месте, но в нем не было ни одного патрона. На столе перед незнакомцем лежал один патрон. Латунная гильза блестела под зеленой лампой. На донце был выбит номер партии из арсенала, который Пьер покинул двенадцать лет назад. Тот склад давно закрыли; его учётная система была уничтожена после слияния подразделений. Пьер знал номер, потому что однажды именно из этой партии выпустил последний патрон на учебном полигоне перед переводом в банковскую охрану.

— Я не забирал его, — сказал незнакомец. — Он просто перестал числиться у вас.

Пьер впервые за много лет не нашел ответа сразу. Он стоял с разряженным оружием перед человеком, который говорил с ним как с коллегой, и ощущал не беспомощность, а унизительное несоответствие масштаба: будто он пришел запирать сейф, а обнаружил, что все здание внесено в список имущества другого владельца. Валери забрал со стола патрон. Он был тяжелым, холодным и совершенно реальным. На боковой поверхности гильзы тонко проступал черный налет. Бухгалтер повернул его между пальцами, затем положил обратно.

— Ты не хочешь денег, — сказал он. — Ты хочешь, чтобы мы признали обязательство, которое не можем погасить.

— Верно.

— И каким образом его можно погасить?

— Признать, что оно существует.

— Это не погашение.

— Нет. Это начало учёта. Погашение — отдельная процедура.

Незнакомец улыбнулся. Впервые Валери заметил, что его зубы имеют едва ощутимый серый оттенок, как старое серебро под истонченной позолотой.

— Вы удивитесь, сколько бед начинается с того, что люди требуют от признания немедленного результата. Они хотят, чтобы произнесенное слово сразу исправило то, на что ушли десятилетия. Но бухгалтерская запись не прощает. Она лишь перестает скрывать.

Незнакомец указал на пустой стул по другую сторону стола.

— Садитесь, месье Валери. Мы должны обсудить условия.

— Я не веду переговоров с неизвестными контрагентами.

— Ведете. Ежедневно. Вы называете это рынком.

— Рынок регулируется договором.

— Любопытно. А кто регулирует договор?

Валери не ответил.

— Присаживайтесь, — повторил незнакомец. — У вас еще есть выбор способа оформления. Это больше, чем получают большинство людей, чьи долги вы передавали вашей супруге.

Валери не сел. Но и не отошел. Незнакомец воспринял это как промежуточное состояние и продолжил:

— В банке имеется три уровня резерва. Официальный — тот, который вы показываете акционерам. Внутренний — тот, который известен тем, кто сверяет первичные коды. И третий, который не числится ни в одном справочнике, потому что его предназначение не хранить активы, а удерживать незакрытые обещания. Вы построили на нем свой дом. Не в переносном смысле. Архитектурно. Бетонная плита под западным крылом была залита вокруг старой камеры, а камера — вокруг обязательства. В течение девяноста трех лет каждый ремонт добавлял слой материала поверх того, что никто не хотел открывать.

— Девяносто три? — переспросил Валери.

— По вашей системе летоисчисления.

— По какой другой?

— По той, в которой время отсчитывается от момента, когда обязательство впервые было признано действительным. Она неудобна для налогового учёта, поэтому вы ее не используете.

Слова казались абсурдными. Но Валери вспомнил архивный план, найденный при пересмотре инженерных сетей: тонкая лестница, уходящая вниз от восточной стены старого сейфового помещения, заштрихованная красным карандашом. В примечании стояло: «Оставить без вмешательства до закрытия обязательства». Автор подписи был неизвестен, дата совпадала с годом основания банка. Документ исчез из архива на следующее утро после того, как Валери доложил об аномалии начальнику управления активами.

Он тогда решил, что план был ошибочным. В банках всегда существовали ошибки чертежей, особенно после нескольких реконструкций. Стены переносили, проходы закладывали,

старые линии связи переименовывали, и каждое поколение инженеров считало предыдущие решения неудобными. Никакого мистического смысла в этом не было. Только теперь он понимал, что «без вмешательства» было не техническим указанием. Это было условием, которое банк нарушал медленно, аккуратно и с должной отчётностью.

— Что именно лежит в той камере? — спросил Пьер.

— Не лежит. Удерживается.

— Чем?

— Обязательством, — ответил незнакомец. — Вы все время пытаетесь представить себе объект, потому что объект можно взвесить, запереть, застраховать или украсть. Но обязательство не обязано иметь материальную форму. Оно вполне может удерживать пространство, если его достаточно долго считать реальным.

Он взял со стола стакан воды и поднял его на уровень глаз. Внутри плескалась ровная прозрачная жидкость. Незнакомец слегка наклонил стакан. Вода не двинулась. Уровень остался горизонтальным, даже когда стекло оказалось почти на боку. Затем он поставил стакан обратно; на столешнице не осталось ни капли.

— Материальная форма полезна, — сказал он. — Особенно для банков. Люди охотнее верят вещам, которые можно положить в сейф. Вы превратили обещание в золото, золото в залог, залог в кредитный лимит, кредитный лимит в право требования, право требования в долю собственности, а долю — в вывеску над магазином. Это красивая цепочка. Почти без потерь. Но любая цепочка начинается с первого звена. Вы предпочли не задавать вопрос, из чего оно сделано.

Валери посмотрел на слитки за стеллажом. На металлических гранях отражался зеленый свет лампы, и казалось, что каждый слиток содержит внутри крошечное неподвижное болото. Он вспомнил утренний планшет жены, пустые гнезда под кольца, ее спокойное движение пальца по бархату. Ему всегда казалось, что она забирает чужое, потому что не может переносить пустоту. Теперь возникла мысль, что она пыталась заполнить не свои ячейки, а чьи-то гораздо более древние.

— Моя жена ни при чем, — сказал он.

— Она находится внутри последствий. Это не одно и то же.

— Ты обещал, что не тронешь ее.

— Я сказал, что не трогаю людей. Я не говорил, что они не будут затронуты происходящим.

— Ты играешь словами.

— Я работаю с точными определениями. Игра — это когда правила не фиксированы. Здесь они фиксированы давно. Вы просто не читали весь договор.

Незнакомец потянул к себе книгу и перевернул еще одну страницу. На ней проступили строки, будто бумага была копиркой, а текст записывался на листе под ней. Сначала появились даты и суммы, затем имена. Имена основателей «Лекорню», их наследников, управляющих, аудиторов, инженеров, инкассаторов, жен и детей, кредиторов и должников. Некоторые имена были зачеркнуты. Другие отмечены маленькими кружками. Возле имени Валери стояла красная черта. Возле имени Пьера — короткая синяя. Возле имени жены Валери — незаполненная квадратная ячейка.

— Почему у нее пусто? — спросил Валери.

— Потому что она пока не определила, чем готова заплатить.

Валери почувствовал, как под воротничком проступил пот. Не из-за угрозы. Он вдруг понял, что вся эта книга устроена не как реестр владельцев, а как таблица выбора. Здесь фиксировали не только то, что человек сделал, но и тот вариант, который он оставил себе на будущее. Каждый пустой квадрат был не неизвестностью, а неисполненным решением.

— Ты заставляешь людей выбирать? — спросил Пьер.

— Нет. Люди выбирают сами. Я обеспечиваю сохранность последствий.

— Это не одно и то же.

— Совершенно верно. Именно поэтому у меня так много работы.

Он сказал это с легкой усталостью, словно сожалел о загруженности отдела в конце квартала. Затем аккуратно поправил угол книги, выровняв его по краю стола. В глубине зала что-то ударило по металлу. Один раз. Второй. Третий. Звук был глухим и размеренным, как если бы кто-то стучал изнутри огромного сейфа. Пьер направил фонарь в сторону подиума. Свет проходил по стеллажам, но не достигал последнего ряда: там начиналась темнота, которая не поддавалась лучу. Не поглощала его, не отражала, а словно продолжала помещение еще на некоторое расстояние, до которого источник света не имел права дотянуться.

— Что там? — спросил Пьер.

— Остаток, — повторил незнакомец.

— Ты уже объяснил.

— Нет. Я обозначил категорию. Теперь вы можете увидеть содержание.

Он сделал жест рукой в сторону темного прохода. Зеленая лампа погасла. На мгновение весь зал утонул во тьме, кроме маленьких прямоугольников на металлических табличках. Они вспыхнули один за другим, как индикаторы на панели связи. На каждой табличке появился один и тот же нулевой индекс: 000000.

Пьер держал фонарь неподвижно. Его луч наконец прошел сквозь тьму, и то, что находилось за последним рядом, стало различимым. Там не было стены. Не было ни двери, ни коридора, ни новой камеры. Там находился кусок другого места, вставленный в зал хранилища с небрежностью монтажника, который заменил участок кабеля проводом из другого объекта и забыл изолировать соединение. Виднелась лестница с узкими каменными ступенями, уходившая вниз. Вдоль стены стояли деревянные шкафы, а между ними на полу лежали листы бухгалтерских книг. Над лестницей висела табличка из желтого металла: «Отдел окончательной сверки». Под ней был нанесен логотип банка в версии, которой никогда не существовало: башня с открытой дверью и солнце без лучей.

Пьер шагнул вперед. Валери схватил его за рукав.

— Не входи.

— Почему?

— Потому что он хочет, чтобы мы вошли.

Незнакомец уже стоял у лестницы. Он не прошел туда на глазах у них. Просто находился в двух местах одновременно, а потом один из вариантов исчез, как неверная строка после исправления. Его костюм был таким же безупречным, как прежде. На груди лежала золотая булавка-весы.

— Вы можете остаться здесь, — сказал он. — Это не остановит процесс, но сохранит вам привычную точку обзора. Однако я бы рекомендовал осмотреть исходный документ прежде, чем делать выводы. Вы оба слишком долго работали с копиями.

— Почему мы должны тебе верить? — спросил Пьер.

— Не должны. Доверие — не условие доступа. Достаточно следовать маршруту.

— А если там ловушка?

— Тогда она будет обозначена как ловушка, если ее классификация имеет значение для последующего разбирательства.

— Ты невыносим, — сказал Пьер.

— Это замечание не относится к предмету сверки. Но я внесу его в протокол как эмоциональную характеристику участника.

Валери коротко выдохнул через нос. Это могло быть смехом, если бы кто-то слышал его в другом месте и при других обстоятельствах. Он ненавидел незнакомца за его спокойствие. Еще больше он ненавидел то, что спокойствие было безупречно выверенным, что оно не скрывало

страха и не служило маской. Человек за столом не был бесстрашным в обычном смысле. Он не находился перед угрозой. Он пребывал по другую сторону ее определёния.

— Если мы войдем, — сказал Валери, — ты ответишь на мои вопросы.

— Я отвечу на те, на которые существует ответ.

— Все вопросы имеют ответ.

— Это убеждение помогло вам стать хорошим бухгалтером. Но не все ответы существуют в форме, которую можно принять без оговорок.

Валери посмотрел на лестницу. Он знал, что должен отказаться. Не из страха перед мистическим существом, не из-за возможной ловушки, а потому, что сама структура разговора выдавала намерение: чужак не предлагал им выбор, он описывал их отказ как одну из строк будущего отчёта, уже содержащего итог. Но отступить означало оставить систему без исходного документа. Валери всю жизнь строил защиту именно на том, что документы должны существовать до подписей, что любой вывод можно проследить назад по цепочке записей. Если внизу находилась первичная проводка, он обязан был ее увидеть.

— Идем, — сказал он.

Пьер выругался вполголоса, проверил оружие, затем шагнул следом. У лестницы пахло пылью, керосином и мокрым железом. Камень под ногами был старым, но на поручне блестела свежая полировка, как будто за него регулярно держались тысячи рук. На первой ступени лежал маленький белый жетон с номером Пьера. На второй — такой же с номером Валери. Ниже, на третьей, лежал жетон без номера, гладкий, пустой, теплый на вид.

— Мы здесь бывали? — спросил Пьер.

— Физически — нет, — сказал Валери.

— А иначе?

Валери не ответил. На стене лестницы появились отметки высоты. Не метры и не футы, а номера этажей банка: −1, −2, −3, затем −3А, −3Б, −3Б-1. Нумерация перестала быть линейной. После −7 шел −4, затем −12. Валери остановился у отметки −9, потому что именно на этом уровне должен был находиться фундаментальный дренажный коллектор. Но каменная лестница продолжалась вниз, а указатель указывал: «Основное отделение — 9-й этаж». В банковском здании не было девятого подземного этажа.

— Архитектурная погрешность, — сказал незнакомец.

— Это не погрешность, — ответил Валери. — Это другая система координат.

— Я рад, что вы начинаете понимать.

— Я не сказал, что согласен.

— Согласие не влияет на геометрию.

Лестница вывела их к узкой двери с латунной ручкой. На табличке значилось: «Касса № 0». Пьер приложил ладонь к стене. Камень был холодным и слегка влажным, однако за дверью кто-то перелистывал страницы. Ритм был спокойный, почти бытовой. Листы не шелестели — они издавали сухой звук плотной бумаги, которую по одной снимают с края стопки. Незнакомец постучал дважды. Изнутри ответил тот же самый голос, что стоял рядом с ними:

— Входите.

Пьер резко повернулся к нему. Незнакомец слегка приподнял бровь.

— Да, — сказал он. — Внутри тоже я. Это не требует отдельной записи. Не стоит усложнять систему ради того, чтобы сохранить собственное удивление.

Он открыл дверь. За ней находилось небольшое банковское отделение, похожее на старую кассовую комнату из конца девятнадцатого века. Темный деревянный прилавок, три окна с матовыми стеклами, латунные колокольчики, зеленые лампы, счетные машинки с рычагами и ящиками для монет. На стене висел календарь, но в его сетке были только субботы. В каждом окне сидел клерк с одинаково спокойным лицом. Их одежда отличалась: у первого был жилет с цепочкой карманных часов, у второго — темный служебный сюртук, у третьего — современ-

ный костюм с пластиковым пропуском на шее. Во всем остальном они были похожи настолько, что казались тремя возрастами одного человека.

Ни один не поднял головы. На центральном прилавке стояла табличка: «Просьба не предъявлять документы, утратившие силу вследствие отказа от их содержания».

— Что это за место? — спросил Валери.

— Касса, — ответил незнакомец. — Здесь принимают то, что нельзя хранить в обычном хранилище.

— Какие ценности?

— Непогашенные разницы. Неисполненные обещания. Утраченные доказательства. Временные исключения. Имена, которые были удалены из протокола, но не из последствий.

Он положил на прилавок маленький металлический жетон с нулевым номером. Клерк в старом жилете поднял его, посмотрел на свет, затем провел большим пальцем по гладкой поверхности.

— Нет номинала, — сказал клерк.

— Номинал не требуется.

— Нет валюты.

— Валюта не согласована.

— Нет предъявителя.

— Предъявитель находится здесь.

Клерк посмотрел на Валери, затем на Пьера. Его глаза были совершенно человеческими и совершенно пустыми — не мертвыми, не стеклянными, а лишенными той части выражения, которая связывает лицо с намерением. Он поставил жетон в маленькое гнездо на столе. Откуда-то снизу раздался короткий металлический звон.

— Принято на условное хранение, — сказал он. — Ответственность за сохранность не принимается.

— Зачем тогда вы его принимаете? — спросил Пьер.

— Прием и ответственность — разные услуги.

Клерк произнес это как заранее утвержденную формулировку договора. Затем опустил глаза к книге и продолжил работу. Незнакомец был доволен. Не торжествовал, не улыбался в полный рот, не наблюдал за их замешательством. Он просто получил подтверждение, что операция прошла в соответствии с регламентом.

— Вы видите, — сказал он. — Система работает.

— У вас здесь нет ни одного клиента, — произнес Валери.

— Вы ошибаетесь. Все клиенты уже обслужены. Осталось только оформить последствия.

На стене за кассой открылась дверь, хотя секунду назад там была сплошная древесина. За дверью находился архив. Стеллажи уходили в темноту, а на корешках папок повторялись годы, которые не совпадали ни с одним календарем: 1881, 1881, 1881, затем 1914, затем 1881 снова. На одном стеллаже были собраны документы с датой будущего понедельника. На другом — квитанции, выписанные на людей, которых еще не родили. Все папки были заперты тонкими бечевками, каждая завязана одинаковым двойным узлом. Незнакомец повел их туда.

— Исходная проводка находится в разделе оснований, — сказал он. — Но вам следует понять одну вещь: вы ищете момент, когда банк допустил ошибку. Это естественно, поскольку вы оба привыкли мыслить событиями. Однако обязательство не обязательно возникает в моменте. Иногда оно становится видимым только тогда, когда вокруг него уже выстроена целая инфраструктура.

— Значит, ты хочешь, чтобы мы приняли ответственность за ошибку, допущенную до нашего рождения? — спросил Пьер.

— Нет. Я хочу, чтобы вы отделили происхождение от наследования. Ваша ответственность ограничена вашим участием. Но само обязательство гораздо старше вас. Именно поэтому оно переживет вас обоих, если не будет признано.

Он остановился у шкафа без таблички. На дверце была только маленькая латунная пластина, в которой отражались лица Валери и Пьера, но не отражалось лицо незнакомца. Вместо него на металле виднелась вертикальная полоса тьмы, тонкая, как разрез ножом.

— Здесь лежит устав, — сказал он.

— Какой именно? — спросил Валери.

— Первый.

— Первый устав «Лекорню» хранится в государственном архиве.

— Там хранится копия, которую разрешено считать первой.

Валери замер. Незнакомец повернул ключ в замке. Внутри лежала единственная папка, обшитая черной кожей. Корешок был потертый, но не от времени — кожа сохранила характерные следы пальцев, будто кто-то постоянно доставал ее из шкафа и вновь убирал на место. На обложке золотыми буквами было выведено: «Учредительный договор. Экземпляр для другой стороны». Валери открыл папку.

На первой странице стояла дата основания банка и подписи трех мужчин. Имена совпадали с теми, что значились в официальных документах. Текст начинался стандартно: «Мы, нижеподписавшиеся, учреждаем кредитное общество для приема денежных вкладов, предоставления займов, проведения расчётов и хранения ценностей на условиях...» Затем шла длинная формулировка о правоспособности, ответственности учредителей и порядке распределения прибыли. Валери прочел первые два абзаца, затем остановился на третьем.

«В обмен на предоставление места, непрерывности и сохранности настоящему учреждению, учреждение принимает на себя обязательство хранить один неучтённый остаток до тех пор, пока последний из его участников не признает, что остаток возник не из-за отсутствия записи, а из-за отказа назвать его содержимое». Ниже, отдельным абзацем, стояло: «Погашение остатка осуществляется по первому требованию предъявителя после открытия кассы ноль». И еще ниже: «Сторона, предоставляющая место, не обязана иметь человеческое имя, зарегистрированное лицо или постоянную форму». Под этими строчками были три подписи и четвертая — пустая линия.

Валери прочел страницу еще раз. Потом перевернул ее, надеясь найти на обороте пояснения, приложения или ссылку на другой документ. Оборот был пуст. Но когда он вернул лист к свету, надпись на третьем абзаце изменилась: не сами слова, а интервалы между ними. Сначала это выглядело как игра старой типографской краски. Затем промежутки начали складываться в отдельный текст, читаемый только боковым зрением: «Они согласились, потому что место было необходимо». Когда Валери посмотрел прямо, фраза исчезла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.